

ДЕМ МИХАЙЛОВ

ИНФЕР

Дем Михайлов

Инфер

Серия «Инфериор», книга 1

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63918012

Аннотация

Мир, которого мы еще не знали. Постапокалиптические огромные города, удивительные племена с самыми причудливыми и порой страшными обрядами, невероятные чудовища, что бродят по густым джунглям, безводным пустыням или же скрываются в мутной воде рек...

В этом цикле раскроются старые тайны – еще из Низшего – и появятся новые, что тоже в конце концов будут раскрыты.

В этом цикле Оди, все столь же безжалостный и смотрящий только вперед, продолжит свой путь, пытаясь докопаться до сути происходящего вокруг безумия.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	31
Глава третья	69
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Дем Михайлов

Инфер

Глава первая

Жопа орла дымилась.

Запах опаленных перьев прекрасно сочетался с неумелым, но столь искренним матом какого-то полуголого тоще-го хренососа с чучелом дымящегося орла на макушке.

– Ну?! Ну?! НУ?! Ты пронзил эту суку?! Пронзил его?!

– Да все уже, все! Иглы Роббура держат надежно, амиго! Глянь, как распахало его руку!

– Глянь как распахало жопу моего орла! Дерьмо! Если бы он чуть не промахнулся...

– Зря мы назвали его чупандо бастардо. Зря! Пусть бы бежал дальше голожопый...

– А нож? Теперь у меня такой нож... И револьвер!

– А кровь? Ты видишь, сколько на нем крови? А ведь это не его кровь! И нож был весь в крови... Зря ты назвал его макако суджу! Теперь Рами сдох!

– Ну...

– И Бонита сдохла! Он ей шею свернул! А я даже не понял, как!

– Колючки хорошо воткнул?

– В мясо! Промеж костей. Распяли мы его знатно... убей его, амиго. Убей. Мой тебе совет.

– Дурак? Мы сдадим его на бои! Озолотимся! Чего ты морщишь харю? Знаешь, сколько песо мы получим за него?!

– Как бы он нас не...

– У него что-то с мозгами. Сильный, но тупой. Даже не разговаривает. Только орал...

– И убивал.

– Да заткнись уже, Мозес! Заткнись! Колючки хорошо воткнул?

– Эта боль заставит любого бастардо остановиться и захныкать!

– Где Белси?

– Ищет какой-то корень.

– Зачем?

– Он ей нос расплющил! Всмятку! Она хочет сделать при-мочку...

– Она дура? Надо выправлять.

– Что там выправлять? А медико далеко...

– Она дура. Пусть пожует коки. Поможет.

– Он очнулся, амиго! Этот бастардо очнулся!

– Поправь мне орла. Нормально?

– Огузок дымит.

– А голова?

– Нормально.

– Колючки? Ты точно хорошо воткнул колючки?!

– В мясо! В мясо! Боль остановит и пантеру!

Приоткрыв глаза, мутным взором я глянул по сторонам, судорожно закашлялся, чувствуя, как из горла лезут кислые остатки блевоты. Сплюнув, глянул на одну руку, потом на другую. Потом посмотрел ниже. Вокруг пояса и груди мотки веревки, руки прижаты к широченному стволу дерева и приколочены к нему за ладони и запястья длинными шипастыми темными иглами. Ноги привязаны. На ступнях странные грязные обмотки. Больше из одежды на мне ничего, если не считать прилипших листьев.

– Эй, членососы, – я с ухмылкой приподнял голову, шевельнул плечами, – кто из вас сделал это со мной, а?

– Он говорит, амиго! Говорит, как нормальный! Мерда!

– Я... – вперед робко ступил тощий хрен сдохлым орлом на голове. – Я Джек Агиа! А ты – мой раб и должник! Почему? Почему ты стал рабом? Я отвечу тебе!

– Не слышу, – наклонил я голову и поморщился от пронзившей череп боли, – че ты там провонял, дерьма кусок?

– Ты – мой раб! И должник! Ты убил моих...

– Амиго! Его рука! Рука!

– А? – дернув недовольно щекой, Джек чуть скосил глаза и вздрогнул, увидев, как я выворачиваю ладонь и запястье из рвущих мясо колючек. – Ох...

Больше он ничего не успел сказать – ладонью с торчащими из нее иглами я схватил его за глотку, стиснул пальцы и оскалился, почувствовав, как побежала его горячая кровь. Си-

пя, булькая, Джез попытался отпрянуть, но я вцепился мертвой хваткой, подтягивая его к себе. Убедившись, что его уши близко, выворачивая вторую руку, я спросил:

– Кто я такой, а?

– Ыгх... ыгх... эк... эрр... кх... эррр... кха-кха...

– Эр... – прохрипел я. – Эр... Эрыкван... Эрикван... нет... я Оди! Оди! – красные от крови пальцы сжались сильнее, я улыбнулся выпученным глазам чуть шире: – Это ты забрал мой нож? А револьвер?

– Ы-ы-ы... ы-ы-ы... – глаза уставились вниз.

Я успел первым, схватившись второй израненной рукой за торчащую из-за пояса рукоять ножа. Дернув на себя, вспомрол ему кожу на брюхе и тут же надавил, вгоняя нож глубже, а затем снова резко дергая в сторону, ведя погруженное в мясо лезвие к печени. Оставив нож в гостеприимно теплом органе, я сместил ладонь и схватил револьвер. Взвел курок, вскинул и поверх плеча дрожащего Джеза вlepил пулю в грудь бегущего к нам с камнем второму ушлепку. Коротко вякнув, тот выронил булыжник и упал рядышком. Выпустив шею лидера-орла, я выдернул нож и полоснул по веревкам. Рухнув, встряхнул руками, разбрызгивая кровь, выдернул зубами пару мешающих игл, огляделся и задумчиво произнес, потирая лезвием ножа чешущееся плечо:

– Где я? Кто я? И где, сука, мой экз?! – повернувшись к стонущему Джезу, пытающемся встать, я постарался помочь ему пинком снизу-вверх по хлебалу, отчего тот сразу вос-

прял. – Где мой экз, сука?!

– А?

– Где мой экз, сука?! – я полоснул ему по лбу, рассекая кожу до черепа. – Где мой экз?!

– Не было... не было! Не было! Не было!

– А-А-А-А!

Развернувшись, я метнул нож. Скользящая и липкая одновременно ладонь подвела, и пущенный в полет нож чуть отклонился, вместо мягкого живота угодив под сердце. Орущая девка заткнулась и упала. Тут же рухнул и Джек.

– Дерьмо! – подытожил я, яростно моргая, в попытке отогнать сгущающуюся темноту, несущую с собой призыв блевануть и отключиться. – Дерьмо!

Ноги подкосились, и я рухнул на скулящего ушлепка, успев вбить ему в глаз одну из оставшихся в ладони игл и слегка ей там поболтать, старательно размешивая мозговой сахарок.

Темнота...

* * *

– Оди! – с остывающего трупа я подскочил с этим яростным криком. – Оди! Я Оди! Номер одиннадцатый! Гоблин! Добровольно низший! Мать вашу всех! Я гоблин! Гоблин! Гоблин! Я Оди! Мир Франциск! Мир Франциск! Я Оди!

Устав орать, заставил себя заткнуться и оглядеться.

День. Лес. Не джунгли, но почти они. Это в первую очередь ощущается не по зарослям, а по температуре – пусть растения тропические, но нет того влажного мерзкого тепла, что вечно живет в густой тени плотных лесов.

Лежат трупы. Две девки. Три мужика. Все в крови. У меня в руке намертво зажат револьвер. Вон торчит мой нож под сердцем скрючившейся на боку девки со странно плоским носом. Проверив патроны, убедился, что в револьвере остался один заряд.

– Каппа. – вспомнил я еще что-то. – Каппа...

Оглядевшись, во всю глотку заорал:

– КАППА! Куда ты делся, гоблин?!

В голове полный хаос. Воспоминания то приходят, то уходят – полное ощущение штормового прибоя, когда волны яростно колотят по песчаному пляжу, то набегая, то оставляя после себя выглаженную влажную равнину и колотящуюся о песок умирающую рыбу. Вот те мысли, что задерживались в моей гудящей голове – это и есть тадохнущая без родной среды рыба.

Утерев с подбородка блевотину, я прислушался, но не услышал ничего интересного. Голова болела, но уже не так сильно. Тошнота прекратилась. Во рту так сухо, что любая пустыня позавидует. Поэтому первым делом я обыскал трупы, выворачивая все из карманов, сдирая пояса и бросая все в одно место. Забрал и свой нож издохлой девки, заодно содрал с нее зелено-черный большой платок, прикрывавший

шорты и ноги. Мне сгодилося, что стереть с себя корку кровавой грязи. Найдя флягу, откупорил и принялся.

Спиртное.

Сделав крохотный глоток, шумно выдохнул – крепко. Очень крепко.

– Самогон! – радостно произнес я и тут вспомнил бегущих навстречу плуксов, синие глаза, стальные коридоры, однорукого злобного безного ушлепка на дне Клоаки, безглазого зомбака, упрямую дуру с татуированной рукой... – Рэк! Баск! Йорка!

Поозиравшись, не увидел никого из них, но, ободренный тем, что ко мне многое возвращается, продолжил обыск. Вода нашлась во второй фляге и была скверной: мутной, теплой и прямо дышащей многообещающе из грязного горлышка – я, сука, тебе, мол, таких толстенных склизких глистов подсажу, что они из твоей тупой жопы даже вылезти не смогут! Жри паразитов! Жри паразитов!

– Ну и хрен с ним. – буркнул я, прикладывая горлышко к губам.

Вариантов нет. У меня серьезно обезвоживание, а бегать в поисках дающих чистую воду лиан я желанием пока не горю. Слабость все сильнее – организму явно пришлось туго. Выпив почти литр, остатками смочил еще чистый край платка и вытер лицо, плечи. Затормозил на шрамах вокруг плеч. Глянул на номер на груди.

Сжал кулаки, оценил вздувшиеся жесткие мышцы. Руки. Арендованные руки. Арендованные ноги. Система штрафует. Система забирает за неуплату. Мир Франциск. Низший. Высший. Первый Высший!

Башня...

Башня...

Вот оно!

Старик, сидящий в высоком кресле.

Старик... Первый Высший!

– Ненастоящий старик. – произнес я, замирая. – Ненастоящий, сука, старик! Я вспомнил! Подделка... гребанная подделка...

Мимика! Его мимика... вот что меня зацепило. Она повторялась. Причем в точности. Не в улыбке, а в том, к примеру, как он прищурил глаза в начале короткой беседы, а затем в середине. Даже в привычных ему жестах и мимике ни один гоблин не сможет повторить это идентично. Просто не сможет. А тут было прямо точь-в-точь... и тогда я понял, что разговариваю не с живым человеком. Я еще мог ошибиться. Но... его взгляд, его речь – все не так. Да, он мог орать. Но не просто орать и просто требовать. Он мог уметь словами дерьмо из гоблина вышибить вместе с мозгами. А еще он был сумасшедшим. Одним из тех, кто тотально безумен, но при этом великолепно умеет скрывать это, легко удерживая на лице маску холодной уверенности и спокойствия. Мне же показали глуповатого, недовольного старика,

разочарованного в том, что его никак не может понять один из главных соратников.

Но...

Из того, что я помню... моя роль была сыграна давным-давно. Я был важен, когда это дерьмо только строилось. Я вступил в дело, когда замыслы уже оформились, и требовался тот, кто сумеет в нужном месте надавить, вспороть, сломать, обжечь или же просто взять и расчленить все там нахрен так показательно, чтобы у всех прочих полностью отбило желание мешать движению все убыстряющихся шестеренок немыслимого по масштабам проекта Атолл Жизни.

И сейчас я помню их – сплошной поток людей, вливающихся в один из еще не полностью достроенных куполов, с зависшими над его вершиной транспортными дирижаблями и летающими роботизированными фабриками, соединенными с куполом конвейерными лентами, лифтами и трубами... я помню это. Я помню их напряженные лица – испуганные хари гоблинов, до последнего боявшихся, что их не примут, не возьмут на этот современный ковчег, который только и сможет защитить от надвигающегося Апокалипсиса.

Да...

Я помню!

Не все – но помню!

И я великолепно помню опять же пусть не все, но многое, о том, кого впору назвать дирижером этого дьявольского оркестра. А я был одним из тех, кто сидел среди других музы-

кантов и внимательно наблюдал за взмахами дирижерской палочки, следуя указанному ритму и умело пиля очередную глотку смычком скрипки...

Я помню.

Мне показали обманку. Фуфлю. Пустышку. И, само собой, это не был актер – я бы опознал. Пусть не на лицо, но характер... ту неугасимую страшную ярость, что однажды привлекла меня, указала, что я не один такой в этом уродливом мире. Поэтому они – кто? Кто, сука?! – попытались впарить мне программу. И показали реалистичное шоу.

– Мне показали шоу... кто показал? Где Каппа? А, дерьмо...

Крутнувшись, едва не упав, я замер, глядя на выскользнувшую из-за стены деревьев пятнистую кошку. Услышав сначала шипение, а затем угрожающее рычание, я зарычал в ответ и, показав кошке нож, пообещал:

– Свали нахрен, пока я тебе вибрисс на жопу не натянул! А я натяну!

Коротко рывкнув, зверь повернулся и бесшумно исчез в зарослях. Я понимал, что далеко кошка не уйдет. Она чует запах крови, видит мясо – и обязательно вернется. А скоро сюда подтянется еще немало зверья. Надо убираться отсюда. И двигаться к месту, где есть вода – нужно смыть с себя уже начавшую тухнуть и воняющую на весь лес кровь. Но уходить далеко нельзя – сначала надо разобраться, что здесь произошло и с какого перепугу я бегал голым по джунглям.

Сгребя неразобранную добычу, я утрамбовал ее в завязанную снизу и донельзя растянутую майку, закинул ее за спину, продел руки в лямки и двинулся прочь от поляны с трупами. Не успел я отойти и двадцати шагов, как пятнистая кошка скользнула к мертвой девке и ласково лизнула ее в щеку, прежде чем разинуть пасть, схватиться за лицо и содрать его. Понимаю – начинаешь с самого вкусного? Вон и к сиськам потянулась.

– Где долбанный Каппа? – прохрипел я, отрывая здоровенный лист смутно знакомого растения и начиная растирать им липкое лицо. – Где этот ушлепок? И где, сука, мой экз?!

Очистившись несколькими листами, что заодно оставили на коже пряный аромат, что неплохо отбивал запах моего немытого тела, я быстро просмотрел добычу, отшвыривая ненужное.

Ржавый нож со сточенным и надломленным у рукояти лезвием улетел прочь. За ним последовала связка алюминиевых ложек и пара настолько грязных тарелок, что, даже не накладывая в них пищу, можно было неплохо перекусить, если поскрести по бокам. Сандалии – одна пара в топку, вторая... тоже. Заодно я понял, что под тряпичными обмотками на ногах у меня что-то вроде гипса, а затем вспомнил взрыв под ногами, краткий полет и черноту. Так я потерял Шило – починить можно было, но уже не требовалось, ведь я вернул Ночную Гадюку.

– Где мой экз?! – злобно прошипел я, сдавливая в руке несколько матерчатых лент, взятых удохлой девки.

Чуть успокоившись, одну ленту пустил на бандану, другими перемотал проткнутые иглами ладони и запястья, заодно срезав пару лохм кожи. Футболками обмотал ступни ног, защищая пальцы и низ голеней. Натянул грязные и некогда зеленые шорты, следующей частью гардероба стала майка. Револьвер за резинку шорт, нож туда же, в карман несколько медных и вроде как серебряных монет. Те самые песо? Сейчас не до них. Прислушавшись к ощущениям желудка, убедился, что приступа рвоты пока можно не ждать, и засунул в рот пресную, считай, безвкусную лепешку. На вкус знакомо. Перед глазами заколосились высоченные растения с крупными початками...

Что мне говорит такой куций набор вещей? О многом он говорит. И нет, я не об отсутствии гигиены. Слишком мало у них с собой вещей, да и одежда не из той, в которой пустишься в долгий путь по полному опасных животных лесу. Вон тут какие кошки бегают. Что они противопоставят такому котенку? Ложку алюминиевую?

Нет. Либо эти ушлепки побросали где-то рюкзаки, а с ними заодно нормальную обувь и оружие, либо они, можно сказать, отлучились ненадолго и недалеко. Где-то тут должно быть их селение. Сказал бы «база» – но у такого отребья не может быть ничего круче занюханного поселения.

Жуя, я пошел обратно.

Обошел поляну с пирующим зверьем – а кошек стало больше – искал следы. Нашел как свои, опознав по странноватым отпечаткам ступней с гипсом, так и чужие. Прикинув, откуда пришла убитая мной группа – а они двигались с низин вверх по заросшему лесом склону – я пошел сначала по своим следам, поднимаясь все выше.

Следы читались легко. Вот тут я перепрыгнул через упавшее дерево и позорно упал. Вот почему чешется плечо – я пробороздил им поросшую какой-то алой хренью кору, кишашую насекомыми. Не подхватить бы в придачу к жопным пассажирам заодно и подкожных паразитов. А в таких местах – запросто. Не успеешь очнуться, а в коже шеи и за ушами уже весело живут личинки мух, из жопы радостно зовут друзей черви, между пальцами грибок и парша, в волосах вши, в одежде клопы, а в сосках...

Полусфера.

Я мягко присел, спрятался за дерево.

Колонна. Я увидел мощную стальную колонну, поросшую зелено-желтым мхом, а потом уже разглядел знакомую наплежку.

Почему я спрятался?

Потому что вон на том дереве свежие следы пуль. Именно пуль, а не игл – кора сбита, древесина характерно расщеплена, да и форма дыр говорит сама за себя. А мои следы идут как раз по этой пулевой дорожке, оставившей отметины на нескольких деревьях, вон тех корнях и валуне. Я бежал, а

полусфера палила по мне. Не попала. Но сам факт – система стреляла по мне.

Система...

Ряды колонн с полусферами, что указывают мне путь к Башне...

Высочайшая точка мира. Пик максимального величия для обычного смертного мира Франциск II...

Точно! Не просто мир Франциск. А Франциск Второй. И что? А ничего...

Почему полусфера стреляла по мне?

Вглядевшись вглубь леса, вдалеке я различил еще одну колонну. Венчающая ее полусфера, обросшая лианами, выглядела накренившимся покинутым гнездом.

– Эй. – высунувшись, я неумело улыбнулся полусфере. – Это я, Од... сука!

Отпрянув, я прижался к колючей коре, в то время как полусфера яростно молотила по прикрывшему меня дереву из крупнокалиберного пулемета.

– Вот так дружба и заканчивается. – проворчал я, подтягивая резинку шорт. – Ладно... схожу пока к местным дикарям. Поговорю с ними спокойно и выдержанно...

* * *

– Бастардо! – простонал смуглый и довольно мускулистый хреносос, не сводя глаз с вошедшего ему в грудь ножа.

– Хороший у тебя тесак. – заметил я. – Я возьму?

– Уг... пута де... угх... – кашлянув кровью, он наконец затих.

Повернувшись к прижавшейся к камню у звериной тропы девушке, я заметил:

– Нехер на меня кидаться, поняла? Не люблю.

– Да... да! Я поняла, сеньор! Не убивайте! Он сам виноват!

– Твой друг?

– Нет! Он обсервер!

– Как-как?

– Обсервер он! Чужой! Их десять с нами. Уже третью неделю. Смотрят, что мы собираем на их землях. Чтобы потом забрать свою долю и отнести в их сидаджи там внизу! Эта гора – их!

– Ага... Там ваш лагерь?

– Лагерь? Да. Мы скоро двинемся дальше... мировое колесо не ждет... зовет... вечный путь.

– Стоп. Вы кочевые? Не просто сборщики на чужой земле?

– А?

– Кочуете вы?

– А?

– Твой народ – кочевники? Бродячие? Нет постоянного дома?

– А?

– Я тебе нос сломаю ща...

– Кочевые мы! Да-да! – закивала девка. – Ходим! Все время ходим! Вечный путь!

– Пошли. – я махнул в сторону их лагеря. – По пути поговорим.

– Не убивайте меня, добрый человек!

– Я похож на убийцу? – поинтересовался я, выдергивая нож из груди труп.

– Ну... ну что вы...

– Ну-ну. – усмехнулся я, на мгновение взглядевшись в чистый ужас, плескавшийся в красивых глазах. – Где горе?

– Ч-что?

– Я убил этого... как его... обсервера... а ты не горюешь...

– Отброса. – одновременно со мной произнесла смуглая местная и тут же испуганно ойкнула, прижала ладошку к красивым губам. – Я не так хотела сказать...

– Давай, – поощрил я с широкой улыбкой, – хорошо же получилось. Отбросом он был, да? Прямо тварью мерзотной? Или...

– Или. – неуверенно произнесла она, шагая рядом со мной. – Или... как бы не сильно плохой... но... Он ничего не делал! Все они ничего не делали! Только и делали, что ходили с нами, смотрели что мы накопаем, что соберем, сколько всего принесем в лагерь. А потом забирали чуть ли не треть! И почему? Потому что они из сидаджи! Потому что они...

гирреро!

– Как?

– Гирреро! Гирреро до футуро! Тьфу! Называют себя воинами, а сами просто сидят в заброшенном сидаджи и ждут, когда мы притащим им еду, листья коки и все интересные находки! Паразиты! А помимо этого мы еще должны кормить тех из них, кого посылают обсерверами – наблюдающими за нашим сбором! Эти гирреро говорят, что тут их земля – вся земля вокруг древнего сидаджи. И что каждый, кто собирает здесь еду – должен ей делиться с хозяевами. А взамен? Взамен ненужная защита!

– Продолжай, продолжай. – кивал я, не отпуская взглядом глаза тараторящей девушки.

– Они защищают нас от зверей – просто отпугивая хищников. Мы и сами умеем стучать в барабаны, махать кадилами с тлеющей едкой травой и кричать! Они не страшны нашему племени! А если придет злой диaboличи... от него они не защитят! Просто убегут! А потом те, из сидаджи, скажут, что наше племя само виновато, раз прогневало диaboличи – духа погибшей и воскресшей природы.

– М-м-м-м... – перекривился я и, помотав головой, поинтересовался: – Дух погибшей и... вот щас охренеть просто... воскресшей природы?

– Разве ты не знаешь о Великом Сумраке, что однажды напал на этот мир и уничтожил его? Осталось лишь несколько искорок, тлеющих в Великих Именованных Горах! Искры

породили слабое робкое пламя, что породило первых новых и чистых, а они, с разрешения Драгоценной Матери, повелительницы всего сущего, породили тех, кто породил нас и...

– Заткнись на секунду!

– А-ага... я прогневала тебя, незнакомец с большим тесак-ком?

– Нет. У меня просто заболела голова...

– Надо меньше думать, меньше злиться и больше любить и восторгаться окружающим миром! Живи настоящим моментом, незнакомец! Почитай Мать, люби природу, склоняйся пред диaboличи и...

– ЗАТКНИСЬ!

– Ладно... но знай – ты хороший! Ты очень хороший! Просто у тебя немного очерствелая душа. Тебе надо посидеть в предрассветное время на высоком холме и встретить восход, жуя листья коки. На тебя снизойдет! На тебя обязательно снизойдет...

– ...

– Мы мирное племя. И потому нас все любят. Пусть мы не слишком уважаем тех, кто пренебрегает мирной и чистой работой по сбору излишков благословенной природы, что кормит и поит нас, но мы понимаем, что не всем дано сразу проникнуться этим благословенным чувством полной благодарности, что согревает наши души. Прошлое – ушло. Будущее – не пришло. Ты здесь. Ты сейчас. Вдохни поглубже, взгляни в небо, соедини вместе ладони и с ласковой улыбкой скажи

БВАК!

Получившая выверенный удар девка свалилась на тропу и затихла. Я присел рядом, нежно придерживая в ладонях гудящую голову и глядя на лежащий на земле испачканный в крови тесак. Может, рубануть?

Я просидел несколько минут, задумчиво жуя выуженный из корзины девушки знакомый мне фрукт – большой, овальной формы, с зеленой плотной кожурой, плоской здоровенной косточкой и сладкой мякотью.

Дернувшись, девка приподняла голову, утерла пыльную щеку и улыбнулась:

– Ты не оставил меня зверям, незнакомец? Ты добр. Видишь – и в тебе проснулось то робкое золотое сияние, что...

На этот раз я просто ткнул двумя пальцами, и она снова обмякла. Я взял второй плод, содрав часть кожуры, принялся жевать. Головная боль вроде чуть поутихла, тошнота тоже не возвращается. Тропа тут спускалась по пологому лесному склону, между поредевшими и уже не столь монструозно толстыми деревьями я увидел шатры. Встав, взял еще фрукт и пошел, оставив зашевелившую дуру за спиной.

Преодолев сотню метров тропы, найдя проход в колючих зарослях, я шагнул на открытое пространство и невольно замер – лагерь шизанутого племени, что чем-то напомнило мне слюнявых дэвов, был разбит на самом краю скалистого участка, оканчивающегося обрывом. Узкая каменная полоса, потом пропасть, а дальше – огромный забро-

шенный город, выглядящий зелено-серым пятном. Мегаполис. Центр застроен полуразрушенными высотками, ближе к краям здания пониже, затем начинается частный сектор, опоясывающий весь город, медленно переходя в дикий лес. Все постройки утопают в зелени, что медленно дробит камни корнями. Однажды этот город исчезнет. А вон то здание останется – самая высокая постройка этого безымянного пока для меня города была полностью очищена от растительности, не считая пары верхних этажей. Но там зелень была очень уж аккуратной, скорее напоминая плодовые сады и ухоженные огороды. Мне бы оптику.

Над зданием поднимался жидкий дым. Блестели на стенах стекла – окна большей частью приведены в порядок. На что можно поспорить, что вон там и засело племя этих гирреро?

Почувствовав присутствие рядом, обернулся и увидел неуверенно шагающую девушку. Заметив, как она открыла рот, схватил ее за подбородок, подтащил к себе:

– Ни слова. А если что спрошу – отвечать только по делу, без всякой тупой хрени вроде доброты, всепрощения и золотого сияния в смиренных жопах. Поняла?

– Да!

– Хорошо.

– Эй ты! Отпусти ее, бастардо! Она под нашей защитой! И почему на тебе шорты Рама? Отвечай, пока я не вышиб тебе мозги!

Обернувшись, я взмахнул рукой, затем второй. И пошел

неспешно дальше, глядя, как поймавший огромным пузом тесак, а горлом нож толстяк заваливается вперед. Когда он тяжело шмякнулся, вбив нож по рукоять, отчего лезвие вылезло промеж позвонков сзади, я наклонился и подобрал с земли его оружие. Оглядел и широко улыбнулся еще одному замершему «воину» в грязной майке и с копьем в руке:

– Дробовик нашел... он чей?

– Твой! – заверил меня тот, с трудом выдавливая широкую испуганную улыбку.

– Ну хорошо. – улыбнулся и я, спуская курок.

Картечь. Кучно легла. А едкий запах пороха взбодрил меня и разом убрал головную боль.

– Сюда иди. – кивнул я последнему гирреро, что ярко выделялся на фоне замершего мирного племени. – Поговорим... И ружье на землю опусти. Держи за ремень.

– Ой мамай... – пробормотала добрая девушка, обходя нас кругом и спеша к шатрам с людьми в ярких одеяниях.

– Другие не придут, да? – вздохнул невысокий старик в красной футболке и некогда белых шортах, медленно снимая с плеча ружье.

– А сколько их ушло? – с безразличием спросил я.

– Да все и ушли кроме меня. Шестеро.

– Еще раз солжешь – и я убью тебя медленно, а не быстро. – пообещал я.

– Но все равно убьешь? – равнодушно уточнил старик, опустив ружье на землю, после чего поднял руки и поместил

их за голову. Повел плечами, поморщился, словно от застарелой боли в суставах.

– Дебил. – подытожил я, нажимая спусковой крючок.

Картечь ударила в область солнечного сплетения. Старик коротко вскрикнул и упал, затихнув. Еще не мертв, но скоро умрет.

– Тихо! – заорал я, успокаивая запричитавших аборигенов, двигаясь к умирающему.

Крик подействовал. Затихшее племя уселось на траву, но мужчины держали руки на копьях, и я не настолько туп, чтобы недооценивать скорость полета и силу удара умело пущенного охотничьего дротика. Ткнув дрожащего в агонии старика ногой в щеку, заставил его голову повернуться и без удивления увидел торчащую за затылком плоскую белую рукоять ножа. Хитрая старая крыса.

– А, дерьмо... – вырвалось у меня, когда нога подкосилась и я упал на колено, оперевшись рукой в землю. – С-сука...

Повалившись, замер на боку и затих в этой позе на несколько секунд, пережидая вспышку дикой головной боли. Перед глазами помутилось, все замерцало. Такое ощущение, что какой-то мелкий ублюдок засел в голове и тычет пальцами мне в глазные яблоки изнутри, пытаюсь выдавить их наружу. Очнувшись, встряхнул ноющей башкой и вскочил, вернее, попытался это сделать – дрожащее тело хоть и послушалось, но сделало это с невероятной медлительностью. Будь эти трахнутые добротой придурки чуть агрессивней...

я бы уже превратился в подушечку для копий.

– Сколько еще из этих осталось. – я указал стволом дробовика на затихшего старика и сплюнул тягучую слюну, отдающую какой-то химией.

– Один. – первой отозвалась моя провожатая, заодно радостно указав на несущегося к нам от края подступающих к скальному обрыву джунглей, на бегу вытирающего руки о край синей майки. За его плечами болталась рукоять то ли двуручного тесака, то ли меча без ножен.

– Его зовут Маверик. – добавила девка. – Он меня лапал за секвойей. Везде пощупал! А ведь я ему сказала, что у меня есть парень. И что я ему все расскажу.

– Рассказала?

– Ага.

– А он?

– Он сказал мне что этот отброс поступил нехорошо, но что я сама виновата, раз ходила за секвойю собирать ягоды.

– А лапавшему тебя мужику твой парень что сказал?

– Ничего. Только мне дал отрезвляющую пощечину, чтобы я знала, что не стоит ходить за секвойю. А что?

– Да не. – пожал я плечами, радуясь, что подступающая тошнота отступила, равно как и головная боль.

– Кто это сделал?! – заорал подскочивший мужик, скидывая с плеча веревочную перевязь и хватаясь за рукоять уткнувшегося в камень тесака. – Кто это, сука, сделала, а? Бастардос!

– Я сделал. – с вежливой улыбкой приподнял я руку, но глядя не на мужика, а на только что подобранное ружье.

– Ты?!

– Ага. Я. И че?

Резко сдувшись, Маверик поглядел на свой тесак, затем на ружье в моих руках и на обрез за плечом, оценил долгим рыскающим взглядом разбросанные трупы, переключился на изучение моей одежды. Уменьшившись в росте еще чуток, он аккуратно выпустил рукоять тесака, позволив ему упасть, после чего вместе с зеленой слюной выплюнул здоровенный ком жеваных листьев и полез в поясную сумку. Я не мешал, с интересом наблюдая и не забывая поглядывать на джунгли вокруг нас. Разжевав несколько листьев, запихав их языком за щеку, утерев слюну, Маверик протянул мне несколько листов:

– Мамас кока. Самая сладкая. Любого спроси. Делает умнее...

– То-то ты гений такой...

– И добрее...

– Нож?

– Есть.

– Сними с себя все. Оставь только шорты. Забейся вон в ту щель. – я указал стволом ружья на узкий темный разлом во вздувшемся скальном бугре. – Пусть наружу торчат затылок, спина и жопа.

– А зачем? – спросил задумчиво Маверик, стягивая май-

ку. – Жопа из щели зачем, добрый человек?

– Быстро.

– Тороплюсь... тороплюсь... не убивай меня. Я в жизни никого не убил. И не обидел.

Я глянул на продолжающих неподвижно сидеть аборигенов, что неторопливо мерно жевали.

– Это правда?

– Он был самым добрым и тихим из обсерверов. – кивнул один из длинноволосых и седобородых полуголых патриархов. – Он ничем не обидел нас. И даже помогал при сборе высоко растущих плодов и переноске тяжелых корзин к повозкам.

– Ясно. – кивнул я, глядя, как мой будущий проводник втискивается в узкую щель. – Повозки вон те?

– Все верно, злой и гневный незнакомец. Ты...

– Да?

– Ты убиваешь так легко, будто срываешь лист коки. Даже не задумываясь...

– Тебе что-то не нравится, старик?

– О нет... я лишь хотел спросить.

– Спроси.

– Когда ты уже уйдешь? Если уйдешь...

– Уйду. – пообещал я, мрачно оглядывая вялых пассивных травоедов. – Когда получу нужное.

– И что же тебе требуется, злой незнакомец, не жующий коку?

– Рюкзак, штаны, ботинки, немного жратвы, флягу с чистой водой. Что насчет лекарств? Как вы еще лечитесь? Короче – тащите что есть из жратвы, отвечайте на мои вопросы быстро и только правду. А затем я уйду вместе с Мавериком.

– Что нам потом сказать тем злым людям из сальваджи, когда они придут и спросят, почему их воины были убиты?

– Не ерзай жопой, старик, – я растянул губы в усмешке, глядя на высящийся посреди заброшенного города очищенный от растительности небоскреб, – я сам им все расскажу...

– И про большую повозку, спустившуюся со склона горы совсем недавно, с бьющимся на ней железным кричащим человеком, ты, возможно, тоже хочешь услышать? Мы бы не увидели, но он порвал одну из держащих его цепей и откинул тент, а повозка как раз катилась по узкой дороге, что лежит ниже нас...

– Хочу услышать. – кивнул я. – Об этом рассказывай прямо сейчас.

– Тот железный человек... крича в удивленное небо, он обещал вырвать сердце какому-то ублюдку Оди, чья мать была самой грязной и тупой каси-дзёро...

– Повозка двигалась в город? К той башне?

– Все верно, злой незнакомец. Ты умен.

– Говори быстрее, старик, – поморщился я, задумчиво разглядывая старые заплатанные штаны из грубой синеватой материи, предложенные мне боязливо подползшими старухами, – я тороплюсь...

Чуть повернув голову, я посмотрел выше, на покинутые мной джунгли, а затем поднял взгляд еще выше. Мы находились у подножия исполинской горы, поросшей старым полутропическим лесом. Ее вершина терялась в густых облаках, заброшенный мегаполис у основания казался всего лишь игрушкой, брошенной у ног великана. Стая ярких крикливых птиц полетела вдоль склона, выискивая более сытные места.

– Франциск Второй? – задумчиво спросил я у горы, но ответа не дождался. – Ладно... разберемся...

Глава вторая

Споткнувшись о выступающий из тропы камень, я выругался и толкнул связанного говорливого Маверика к сучковатому крепкому дереву. Привязав ушлепка, врезал ему по морде, заставляя заткнуться – дебил решил, что я хочу его прикончить. Успокоенный моим ударом Маверик затих, удивленно смотря, как я заваливаюсь набок и утыкаюсь хатей в траву.

Приступ.

На меня медленно накатывал очень знакомый приступ, что всегда нес с собой бессознанку и очередной флэш. Вот дерьмо...

* * *

«Лезвие моего ножа уткнулось в горло запрокинувшей девки в крохотном золотом платье, что задралось, обнажая белоснежные полные ляжки. Сделав короткий порез, я зевнул и поглядел на привязанного к креслу тощего мужика лет тридцати с небольшим. Тот, выдержав мой взгляд, поглядел на девушку, на нож, а затем вежливо просил:

– Пожалуйста, не надо. Вы кажетесь умным человеком.

– Думаешь?

– И раз так – наверняка читали мое досье. И знаете мое прозвище.

– Бездушный. – кивнул я и с некоторым удивлением признал: – Странное прозвище для компьютерного гика.

– Я... у меня проблема с эмоциями. У меня их почти нет, а те что есть... очень слабы. Я не могу испытывать горе, мои привязанности есть, я даже люблю ее, – он указал глазами на девушку у моих ног, – но при этом я... я не испытываю сейчас страха, хотя вся эта ситуация мне неприятна. Скажем так – я знаю, что должен делать любой нормальный мужчина в подобной ситуации. Поэтому прошу – не надо делать ей больно. Я расскажу все, что знаю. Вы ведь за этим пришли?

– Ты умен. – признал я.

– Я знаю кто вы, если честно. Вы тот, кто убивал и убивает ради Цели. Нашей Цели. Ведь мы на одной стороне. Мы вместе строим будущее. Вместе спасаем планету. Когда мне было сделано это предложение, когда я оценил перспективу, то сразу понял – это единственный способ спасти нашу планету.

– Ты один из тех, кто отвечает за создание управляющей искусственным миром системы.

– Если точнее – большого количества систем для каждого из строящихся сейчас искусственный миров. Ваша информация верна.

– Вы внедрили в программное ядро что-то новое. Что-то важное. И я хочу знать, что именно. Кодовое название внед-

ренного программного кода «Истинная ценность».

– Название отражает суть. – программист и гений в одном лице глянул на чуть шевельнувшуюся девушку. – Когда я отвечу на все вопросы...

– Я уйду. Уйду, не причинив никому вреда.

– Я знаю, что вы всегда держите данное слово. Хорошо. А если меня потом спросят, почему я дал вам все ответы? Почему не утаил?

– Не спросят. – покачал я головой. – Потому что те, кто спрашивают – они знают, кто я такой и на что способен. И они знают, кто ты такой. Я мразь с ножом. А ты мальчик-элиты, мягкий, богатый и гениальный. Смекаешь?

– Вы принесли сюда свой мир. Вместе с острым ножом. И я ничего не могу противопоставить... вы в любом случае добьетесь от меня всех ответов. Поэтому глупо пытаться что-то скрыть. Еще глупее пытаться отмолчаться.

– Верно, золотой мальчик.

– Я вас понял. Название «Истинная ценность» – это не кодовое название. Не шифр. Это отражение сути. Если точнее – это Субъективный Рейтинг Системы. СЭРС, как мы его называем.

– СЭРС... и что делает этот программный код? Я знаю, что он внедрен в ядро управляющих систем только что закрывшихся двух объектов – Пий I и Бенедикт XV.

– И снова верно. Таков был приказ сверху. СЭРС внедрен и уже начал свою независимую работу.

– Что он собой представляет?

– Независимую оценочную систему. СЭРС, живя в системе подобно тихому паразиту, имея доступ ко всем ее ресурсам, оценивает каждого пробужденного обитателя того или иного объекта. Оценивает постоянно – на протяжении всей жизни объекта. Оценивается действительно каждый – от рыбака до политика высшего звена.

– Оценивается поведение?

– Нет. На поведение СЭРСу плевать. – покачал головой мужик. – Ведь это тупо. Это атавизм – оценивать поведение индивидуума. Это навязанные нам поведенческие и культурные рамки социума. Человек может вести себя идеально с точки зрения социума – быть вежливым, улыбочивым, не создавать проблем, не совершать проступков и преступлений... но при этом он просто ноль в плане принесения какой-либо существенной пользы обществу и миру в целом. С другой стороны, человек может быть невероятно проблемным, постоянно находиться в жестком конфликте со своим окружением, создавая нервозность, истерики, вызывая ненависть... но при этом он будет генерировать невероятной ценности идеи, а затем воплощать их в жизнь, принося тем самым в мир нечто реально полезное. Если объяснять проще – СЭРСу плевать, насколько ты экстравагантный или тихий. Он оценивает исключительно деяния.

– Деяния?

– Да. Совершенные поступки. Каждое из наших действий

к чему-то ведет. Вызывает какие-то последствия – малые или большие, явные или нет. Именно деяния СЭРС анализирует и оценивает. Как только один из обитателей того или иного объекта пробуждается от холодного сна, он сразу же получается нулевую нейтральную оценку. Если сказать точнее – каждый получает нулевой рейтинг при пробуждении. Некоторые из нас – посвященных в проект и работающих над ним – несколько ошибочно называют эту оценку индивидуальным тайным рейтингом. И этот рейтинг важен – система не может игнорировать его ни при каких обстоятельствах.

– Не понял. СЭРС не может игнорировать этот рейтинг?

– Нет. Система. СЭРС – наблюдает, анализирует и выставляет оценку. Эта оценка отправляется в личный чип каждого из обитателей. – Программист постучал себя указательным пальцем по виску. – Мы носим наш тайный рейтинг всегда с собой. При каждой важной или спорной ситуации, при принятии решения, система обязана первым делом обратиться к ТИРу, оценить его положительную или отрицательную величину... после чего будет принято решение.

– Я не въехал.

– Это кажется сложным. Но на самом деле все просто. Ведь тайный субъективный рейтинг, хотя я называю его вполне объективным, но пришлось пойти на уступки наблюдающим за проектом...

– Говори проще.

– Проще? Я хотел назвать этот рейтинг объективным, а

не субъективным. Потому что это действительно так! Но название – всего лишь название.

– Как это работает? Говори быстрее, – я глянул на еще раз шевельнувшуюся девушку, – иначе ей придется получить еще одну дозу серьезной химии.

– Это вредно для мозга.

– Так говори быстрее и по сути. Плевать, как называется этот программный код. Я уже знаю, что он делает – анализирует деяния, после чего предоставляет свою оценку системе. Ок. Что с этой оценкой делает система?

– Использует ее. Этот тайный рейтинг, что не выводится нигде и неизвестен никому кроме СЭРС и Системы, может сыграть огромную роль в жизни объекта. Или не сыграть – очень многое зависит от жизненных обстоятельств и характера человека. К примеру, случилось преступление в одном из рядовых прибрежных поселений.

– Внутри искусственного мира?

– Да. Рассмотрим два варианта. Вариант первый. Один из жителей поселения убил другого жителя. Убил жестоко и без веской причины. Например – по пьяному делу, сам не осознавая, что творит. В подобной ситуации приговор выносит система. Выносит, опираясь на загруженную в ней базу данных. Законы наших объектов суровы – людей много, слишком много, поэтому убийцу куда проще... м-м-м...

– Казнить. – помог я ему.

– Верно. Око за око. Жизнь за жизнь. Убил – умри. Си-

стема выносит приговор. А затем, перед принятием окончательного решения, она обращается к ТИРу преступника, оценивая его. Если отметка нулевая или того хуже – величина отрицательная – то приговор будет оставлен без изменения. Немедленная казнь. И он будет приведен в исполнение немедленно.

– А если этот... ТИР положителен?

– Зависит от того, насколько высока оценка.

– А насколько высокой она может быть?

– Вплоть до бесконечности. – пожал плечами программист. – Но, по нашим прогнозам, величина ТИРа редко будет превышать двойку или тройку даже для человека, кто проживет внутри объекта долгую плодотворную жизнь. К тому же ничья жизнь не состоит из одних лишь положительных или отрицательных деяний. Чаша весов вечно колеблется, да?

– И что, если оценка очень высока, а система в этот момент выносит преступнику приговор?

– Он будет заменен на более мягкий. – пожал плечами парень.

– Вместо смерти...

– Обнуление памяти, скажем. Помещение ненадолго в хладный сон. Тому, у кого ТИР реально высок, система всегда даст второй шанс.

– Всегда?

– Всегда.

– Разве это справедливо?

– Зависит от того, с какой высоты на это смотреть. Высокий рейтинг просто так не получить. Индивидуум действительно должен сделать что-то выдающееся и полезное для всего мира, чтобы поднять свой рейтинг на солидную высоту.

– Если принесший миру реально огромную, может, даже невыразимую в числах пользу гений после церемонии награждения перепил шампанского и заживо расчленил снятую на улице обычную шлюху, что не удержалась и рассмеялась, увидев крохотный член гения....

– Он не будет казнен. Система ликвидирует последствия, возможно, частично сотрет память преступника, умело обоснует свою мягкость жаждущим правосудия родственникам жертвы... Само собой, последует наказание, но оно будет... очень мягким.

– И это справедливо? – повторил я.

– Какая польза миру от шлюхи? И стоит ли из-за смерти одной проститутки лишать жизни гения, приносящего великую пользу мира? Так что мой ответ – да, это справедливо. Дохлая шлюха не стоит жизни гения.

– И на этом все?

– Не совсем. Рейтинг преступника будет понижен СЭР-Сом. Не забывай – наблюдение и оценка ведутся СЭРСом постоянно. На протяжении всей жизни наблюдаемого. А под наблюдением все из нас.

– Это что-то вроде социального рейтинга?

– Нет. Я же говорю – можно быть крайне антисоциальным, но при этом приносить пользу миру. И наоборот.

– Ладно... получается, у человека, что живет обычной жизнью работяги, ТИР не может уйти в отрицательное значение. Верно?

– Нет. Работяги... профессии ведь различны. А оценивается каждое деяние человека – каждый день, каждый час. Всю его жизнь. Вполне можно уйти в большой минус – постепенно, мелкими ежедневными шажками.

– Это как?

– Ну... возьмем, к примеру профессию могильщика. Что он делает?

– Закапывает трупы. – включился я в игру.

– Не совсем так. Могильщик роет глубокую яму, нарушая нормальную почвенную жизнь в этом месте. Затем опускает в эту яму крепкий деревянный ящик с мертвым телом внутри. Засыпает яму, формирует земляной холм, ставит надгробие.

– И что?

– Как что? Для чего все это? Какую пользу миру это несет? Никакой! Только вред! Тело в деревянном ящике не сможет нормально разложиться и отдать свои ресурсы окружающей почве, которая, в свою очередь, потратила бы их на кормление различных насекомых и растений. Для начала закапывают слишком глубоко. Далее – из этих сформированных зем-

ляных могил образуется кладбище, которое на целые столетия превращает этот кусок земель в что-то вроде крайне редко посещаемого парка с узкими дорожками. К чему это миру?

– Я вот щас охренел. – признался я. – Вы там нормальные вообще?

– Это только кажется мелочью! Людей хоронят каждый день! Кладбища растут! Зачем они миру? Есть польза от кладбищ миру?

– Нет.

– И в этом проблема. Поэтому могильщик каждый день будет опускать свой ТИР все ниже и ниже, пока не пересечет точку невозврата.

– А потом?

– Ну... этот момент сейчас прорабатывается в тестовом режиме. Но если вкратце – зачем сохранять живыми тех, от кого миру один вред? Но не обязательно уничтожать. Можно попытаться исподволь показать ему новый путь – созидательный, полезный миру.

– Этот гребаный бред. – поморщился я. – Вы серьезно? А если они не захотят идти по новой дорожке? Что тогда? Убить могильщиков за исправное исполнение работы?

– Их никто не заставляет рыть ямы и пихать туда гробы. Это их добровольный выбор.

– А остальные? Плотник, что создал гроб?

– В минус. Он знал, что гроб, исполненный из качествен-

ного крепкого дерева – драгоценного ресурса! – после прощальной краткой церемонии будет навсегда сброшен в землю. Это намеренная и бесполезная трата ресурсов.

– Бальзамировщики?

– Зависит от действий. Если подправили изуродованное аварией лицо, чтобы родственники могли проститься – это не минус и не плюс.

– Но не плюс?

– Не плюс. Зачем тратить столько усилий на мертвое лицо, что вскоре будет помещено в закрытый ящик и начнет гнить? Но почему мы все о похоронах? Профессий много.

– Профессий много. – согласился я, выпрямляясь. – Вы долбанутые нахрен.

– Мы смотрим в будущее. Какой смысл в жизнях тех, кто приносит миру вред? Они, порой сами того не подозревая, делают это. Каждая мелочь важна! Выбросил из машины пластиковую бутылку на ходу? ТИР в минус! Оставил после пикника неубранный мусор и не потушил костер? ТИР в минус! Сейчас, когда мы живем пусть на умирающей, но еще богатой ресурсами планете – эти мелочи пока не критичны. Но в замкнутых мирках, с замкнутой рециркуляцией всех ресурсов без исключения... каждая мелочь важна! Хочешь быть могильщиком? Да пожалуйста! Вырасти грибной гроб, похорони покойника в нем – причем в той одежде, что быстро разложится. Так ты принесешь пользу природе – и твой ТИР подрастет! Знаешь, как я называю работу СЭРСа?

– Удиви меня.

– Возложением ответственности! Слишком многие из нас срали и срут на окружающий мир, потихоньку убивая его каждый день – и не неся за это никакой ответственности! – вскочив с кресло, программист орал, сжав побелевшие кулаки. – Они не заслужили милости! Не заслужили равных прав с теми, кто пытается если не спасти этот мир, то хотя бы не сделать ситуацию хуже! Ответственность! Вот что такое СЭРС! Он каждого заставит ответить за свои деяния и каждому воздаст по заслугам! Гений убил шлюху? Да в жопу шлюху! Нет от нее пользы и не будет! А вот спасенный благодаря высокому ТИРу от эшафота гений еще принесет немалую пользу!

– А если этот гений – серийный убийца? Что будет, когда он убьет третью шлюху. Четвертую?

– СЭРС решит! Сам подумай! К примеру, ты открыл источник дешевой и чистой энергии – благодаря тебе можно смело закрывать опасные АЭС, убирать ветряки, разрушать плотины ГЭС, тушить мерзкие домны ТЭС... разве твое открытие не стоит жизни пары шлюх?! Чья чаша весов важнее?!

– Важнее или тяжелее?

– Да какая разница?! Это все слова! А я говорю о измеримых понятиях! Я говорю о глобальности! Я над облаками! А тебя все тянет в самый низ – на уровень шлюх, что бродят по обочинам темных дорог! Тут важна мантра – СЭРС решит!

И все на этом!

– Для чего все это?

– Все просто, убийца, – улыбнулся тот, снова опускаясь в кресло. – СЭРС позволит сделать главное для спасения всего мира, всей планеты – он поможет достойным жить дальше. Все сделано так, что система не сможет проигнорировать ТИР при вынесении решения. Система постарается прикрыть мелкие грехи объекта с высоким ТИР, чтобы позволить ему и дальше действовать во благо мира. Разве это плохо?

– Почему все так тайно? Почему я не знал о происходящем?

– Потому что ты... всего лишь убийца? Высокопоставленный умелый исполнитель... Ты еще не понял? Спустя века, когда люди вернутся на ожившую здоровую планету, они, может, и воздвигнут памятники с именами тех, кто помог миру спастись... но твоего имени там не будет, убийца. Ты из тех, кто всегда остается в тени и кого зовут, когда надо пролить кровь... в этой тени ты и растворишься однажды.

– Ну да. – улыбнулся я и шагнул к окну. – Ну да...»

* * *

Рывком очнувшись, я поднялся на колени и навел дробовик на ерзающего по дереву Маверика:

– Сучок в жопе засел?

– А-ага... просто спину почесать решил.

– Хочешь я почешу?

– Ну что ты, босс... ну что ты...

– Продолжай рассказывать. – велел я, вставая и прикладывая ко рту горлышко фляги.

Маверик послушно заговорил, а я, промочив глотку, отвязал его от дерева и толкнул в спину. Этот хитрожопый хмырь явно не самоубийца, поэтому, если и ведет меня к какой-нибудь ловушке, главное – ступать на его следы и не забывать наблюдать за движениями проводника – чтобы не дернул, падла, за какую-нибудь веревочку или ветку. Хотя пока можно особо жопу не напрягать – мы еще далеко даже от границы широкой пригородной полосы. Здесь нет смысла что-то минировать – на извилистых многочисленных звериных тропках, что спускались к заброшенному городу.

Проводник говорил еще час. За это время мы преодолели не больше четырех километров, оказавшись наконец у первых разрушенных заборов. Тут я Маверика и убил, вбив ему нож под левую лопатку. Дернувшееся разок тело взмахнуло руками и упало, скрывшись в зарослях. А я пошел дальше, идя вдоль некогда массивного и высокого каменного забора, что явно окружал далеко не маленькую и не бедную виллу. Пришедший чуток в себя мозг привычно анализировал услышанное и увиденное.

Эти обсерверы, они же отбросы, они же сборщики налогов – мерзкие паразиты, что принадлежали к обосновавше-

муся в городе племени Тату-Рага. Некогда это была обычная бродячая община, что однажды решила бросить скитания и, нарушив все табу, поселиться в заброшенном безымянном городе. Случилось это относительно недавно – примерно пять лет тому назад. Точнее Маверик не знает – он сам приبلудный, один из изгоев, что нарушил пару мелких табу в своем родном племени, за что и был изгнан. Ему еще повезло – обычно тем, кого изгоняют из племени, обрубают уши или нос – чтобы другие добрые племена не пострадали, по незнанию приняв в свои ряды изгнанника. Маверик признался, что он сбежал, перегрызя связывавшие его веревки и скрылся в ночи, попутно задушив лучшего друга, что в ту ночь охранял шатер с будущим изгнанником – старейшины резонно опасались, что как раз в ночь перед наказанием он и попытается сбежать.

Обагровив руки кровью, Маверик скитался недолго – все племена в ближайших краях знали, что в заброшенном огромном городе снова появились хозяева. Значит, опять начнутся аккуратные в начале поборы – сбор десятины – что потом сильно вырастут, а в эту долю войдут и самые красивые девушки племени.

К этому и шло – Маверик рассказал, что уже сейчас Король Небесной Башни подумывает над тем, чтобы вместо одной десятины брать две. И уже сейчас наблюдатели – обсерверы – посланные с Небесной Башни, ведут себя куда наглее, чем всего полгода назад. Оно и понятно – по словам говори-

вого покойника Маверика, он узнал, что численность поселившихся в небоскребе отбросов за пять лет выросла втрое. Теперь их там почти сотня. К этому всему они раздобыли кое-какой огнестрел, у них хватает арбалетов, луков, копий и прочего средневекового оружия. Есть даже кое-какие учения – Король Джакомо изредка заставляет всех отжиматься, бегать, метать копья, отбивать удары тесаков щитами, бороться и даже боксировать на импровизированном ринге на шестидесятом этаже. Но... это случалось редко – когда Король скучал или был зол. А так жизнь племени была привольной. Те, кто не числился в рядах воинов или почти постоянно отсутствовавших обсерверов, занимались огородами и ремонтом. Их руками небоскреб был приведен в отличное состояние, а разбирающийся кое в чем консьюери Хорхе заставил всех поднапрячься и поднять на крышу здания найденные солнечные панели, после чего очистить имеющиеся и поставить дополнительные емкости для сбора дождевой воды. Дожди здесь часто, поэтому сейчас в небоскребе, по словам Маверика, самая настоящая охренительная цивилизация – жопу можно мыть в теплой воде, над головой горит лампочка, а главное – говно смывается само собой и не приходится его стыдливо прикрывать листиком. Кстати, однажды Маверик, проводший жизнь в лесу, по привычке сел да насрал у стеночки коридора. Так его лично консьюери сначала макнул харей в собственное дерьмо целых три раза, а затем лично же и отхерачил, бросив всего в крови и сказав,

что если через десять минут здесь не будет идеально чисто, он заставит лесного дикаря сожрать не только свои отходы, но и вообще все, что найдется на полу...

Да... жизнь в городе – у нее свои особенности. Почему-то нельзя плевать под ноги, нельзя швырять банановую кожуру на пол, нельзя скрести грязные потрескавшиеся пятки о край скамьи, нельзя при всех стричь ногти на ногах, роняя почерневшие обрезки под табурет... сложно было привыкнуть поначалу. Повезло, что всем, кто претендовал на звание воина, сначала приходилось не меньше двух лет провести в обсерверах. Из шести-семи таких вот новичков сколачивали бригаду наблюдателей, на всех давали два-три старых огнестрела или арбалета, может, добавляли еще пару луков, столько же копий или тесаков – и вперед. Маверик был только рад: лес – родная стихия, куда приятней ходить по мягким тропам и присаживать погадить там, где душа хочет, а не на нагретый чужой потной жопой унитаз. Сел... ветерок щекочет яйца. Радостно сбегаются на запах жратвы всякие жучки, морщит нос вдалеке охотящаяся лесная кошка... вот она, жизнь! Вот настоящий кайф от опорожнения! А сидеть в вонючей комнатенке носом впритык к двери... эх... этих долбануток городских не понять при всем желании.

Что еще знал Маверик?

А почти нихрена. И как всегда – дохрена. Но больше по мелочи.

Вся эта кодла целиком проживает в небоскребе. Это кре-

пость. Все окна на первых пяти этажах заложены кирпичом и массивными бетонными блоками – благо строительного материала вокруг море. Из лифтов работает только один, причем останавливается всего на трех точках – первый этаж, шестой и шестидесятый. Хотя, есть еще дополнительный грузовой лифт, но он опускается лишь до пятидесятого этажа, а оттуда поднимается прямиком на крышу – где сад и огород. На этом лифте возят смешанное с листвой перепревшее дерьмо, что стекает с канализации как раз на пятидесятый этаж, превращенный в отстойник. Запаха, кстати, нет – консьюери опять же постарался, там сооружены огромные закрытые чаны, есть различные датчики. Хотя кто-то – уж не вспомнить – сказал, что все это и раньше существовало. Было здесь еще до прихода Короля Джакомо с кодлой. Они просто все это восстановили и снова запустили всю систему. И этот «кто-то» – о! это же был Сюзрес! Сюзрес Чирь! – он и рассказал шепотом и по секрету, что тут все было в отметинах от крупнокалиберного оружия, имелись и следы взрывов. А еще повсюду валялись кости – человеческие. Тоже со следами пуль, осколков, просто сломанные, порой со сплюснутыми черепами, раздавленным крестцами... полная жуть, короче.

Так что прежних жильцов небоскреба убили много лет назад. А новое племя вселилось на все готовенькое – просто отремонтировали чуток.

Все молчали, стараясь не упоминать эту тему, каждый

день охотно отправляясь по заданию консьюери на поиски оружия в заброшенном мегаполисе, а также стаскивая кирпичи, тяжеленые блоки, глину, арматуру и прочее, для укрепления заслонов нижних этажей.

Да... все молчали. Но все знали – даже живущие вокруг города дикие племена – что однажды сюда явится он...

Кто он?

Тот, кто уже приходил сюда в тот роковой день. Тот, что вынес к гребаным чертям весь сучий небоскреб. Тот, кто убил всех. Тот, кого просто невозможно прикончить...

Так кто?

Ну он... ассасино ди ферро силенсиозо...

Стальной убийца-молчун...

Че, мля?

А то!

В этот момент Маверик оживился, засверкал глазами, бурно зажестикуюлировал.

Его видели многие! Он сам слышал о нем уже давно – ему рассказали о страшном убийце чуть ли не на второй день после того, как он впервые пробудился в родном племени, ничего при этом не помня.

Еще бы!

Только назвали его иначе, дав ему два идеально подходящих имени.

Каратель. Или же – жнец Матери.

Он приходит по душу тех, кто нарушает табу. И одно из

самых страшных нарушений – жизнь в заброшенных городах! Ладно, если тебя там застала непогода или туда тебя загнали хищники – бывает. Но если ты там остался жить... в этих заброшенных проклятых каменных коробках, в этих уродливых останках кошмарного темного прошлого... то, значит, ты пошел по пути тех, кто пытался убить этот мир... тех, кто однажды пытался убить Мать... И, стало быть, однажды по твою душу придет он – стальной жнец.

То есть – экзоскелет? Боец в экзоскелете? Или внутри шагохода? Кто придет?

Да. Когда Маверик был дикарем, он представлял себе стального великана – как из сказок. Но оказавшись в Небесной Башне, чуток подучившись, увидев собранные мертвые куски экзоскелетов и послушав новых товарищей, он понял – жнецом является очень умелый боец в экзоскелете. Именно его отправляет Мать покарать нечестивцев, вставших на ложный путь.

Этот никогда не говорящий ни слова воин появляется внезапно – и сразу же начинает стрелять, убивая всех до единого. Убив же – уходит и исчезает. Никто не знает, откуда он приходит. Никто не знает, куда он уходит. Но это шагающая смерть...

– Дерьмо. – буркнул я, проскальзывая в узкий проем на месте задней калитки. – Если эти хренососы приняли Каппу за сраного жнеца... хотя он вроде не молчал...

Еще Каппа наверняка вспоминал мое имя. А, может, да-

же, так же, как и я, сумбурно помнил, что оказался снаружи не один – был с ним и «любимый» командир.

Дерьмо... снова передо мной лицо узкоглазого молодого ушлепка с мечом... архаичный образ в ультрасовременном обрамлении давным-давно умершего прошлого.

Остановившись, я вскинул лицо, уставился в безмятежное синее небо, чуть испачканное белой краской зыбких облачков. Невероятно...

– Все же удалось? – пробормотал я, жадно осматривая небо. – Удалось?

Ни единого самолетного следа. Ни единой дирижабля. Никаких воздушных байков и машин. А ведь в прошлом вверх не было смысла смотреть – ты бы видел лишь зеленую черноту вечных туч и бесчисленные яркие искорки воздушного транспорта. Того транспорта, что можно различить невооруженным взглядом – и только под облаками. А выше? Там уже своя элитная житуха. Небесные острова с фильтруемой и сгущаемой чистейшей атмосферой. Величаво плывущие стратосферные дирижабли с вечно снующими по их обшивке мелкими дронами, беспрестанно счищающими все налипающую и налипающую грязь загаженных небес. Огромные воздушные заводы – ноу-хау, что позволило защитить планету хотя бы от части промышленных ядовитых отходов, ведь эти фабрики выплевывали их прямо в космос, отправляя к охреневшему от такой наглости солнцу. Наше светило можно понять – оно нас греет, дарует

жизнь, а мы ему даже не плюем, а, можно сказать, дерьмом в лицо швыряемся. Но это, конечно, лирика плачущих запрещенных поэтов, что вечно ныкались в заброшенных местах планеты, которые уже были непригодны для жилья. Там, в мелких и кое-как герметизированных жилищах с дерьмовыми воздушными фильтрами и еще более дерьмовой водой с поразительным кобальтовым отливом, эти поэты регулярно выходили в сеть с помощью накрывавшей весь наш мир сетью спутникового интернета и, глядя сквозь мокрые стекла на умирающую планету за окном, выли протяжные тоскливые песни в сетевом эфире, проклиная всех и вся, ностальгируя по прошлому и мечтая о том дне, когда все наконец просто сдохнет, даруя шанс миру породить новую жизнь, что не будет похожа на поганных людишек, срущих под себя и плюющих в благословенное солнце...

Никто не слушал этих поэтов. Но все удивлялись их живучести. Удивлялись тому, что в пропитанных ядом зданиях, вздымающихся над вторгшимся океаном, упорно цепляются за жизнь те, кто вроде бы громогласно объявляют всему миру о своем желании умереть. В этом и был их резон селиться в таких заброшках – эта добровольная робинзонада на руинах мира привлекает хоть какое-то внимание. А им это внимание было очень нужно. Они жаждали его...

А чего тут удивительного?

На самом деле эти фальшивые оракулы, лживые предвестники, ужасные поэты и никчемные писатели с токсичной де-

прессивной прозой, просто возомнили себя теми, кто может нести истину народу, теми очередными тупоумными ушлепками, что посчитали себя учителями, способными открыть глаза людям, навязывая им непрошенные истины, навязывая им собственное уродливое видение мира, выставляя врагами тех, кого ненавидели сами, заставляя мерзкое личное мнение становиться не менее мерзким общим... а на самом деле они были обычными никчемными паразитами и не забывали вовремя наведаться на сетевой портал проклинаемого ими государства, чтобы получить социальное пособие.

Как только стало ясно, что миру приходит конец – настоящий, а не выдуманный – все эти ублюдки моментально исчезли из сети, перестали ругать свои страны, перестали требовать восстания. Нет. Покинув свои логова, они ринулись выбивать себе местечки в искусственных мирах. И эти места они требовали с яростью и звериным рыком – мы граждане сего славного государства! Мы имеем право! Мы имеем право на жизнь!..

Почему я вспомнил о них?

Да потому что, с трудом оторвав взгляд от безмятежных мирных небес, я увидел полускрытую растениями фреску, прикрытую от дождей выступающим мраморным козырьком. Несмотря на прикрытие, время не пощадило картину, но я разглядел достаточно, чтобы понять, что уже видел подобные граффити, полотна, фрески и даже барельефы ранее. Кто-то в рваной одежде, с разорванным на лоску-

ты неопределяемым флагом над головой истошно кричит с крыши брошенного грузовика, обращаясь с яростью к бредущим мимо трущобникам, одновременно указывая вдаль – на высящиеся на горизонте светящиеся небесные башни сытого мира...

– Дерьмоеды. – процедил я, встряхивая головой, чтобы не углубляться в рваную мозаику воспоминаний слишком далеко.

Кажется, с моей и без того поуродованной головой сделали что-то еще. Не знаю, что. Но уверен, что без вмешательства в память не обошлось.

Я вообще не помню, как очутился тут – снаружи. В упор не помню! Хотя...

В голове замелькали картинки – порой почему-то черно-белые – как мы с Каппой бежим по темному коридору по грудь в воде. Экзы приглушенно лязгают, нам вслед рвется заунывная сирена, а впереди медленно опускаются стальные заслонки, перекрывая нам путь. Затем темнота... а потом мы кубарем летим по крутому склону, разбивая стальными головами камни, вырывая растения, низвергая вниз лавины из щебня, обрушивая водопады черной почвы, кишашей насекомыми... Снова чернота. Потом мелькают огромные невероятно толстые стволы гигантских деревьев, истошно орут обезьяны... Каппа падает и начинает биться... я пытаюсь его удержать, но он вырывается и куда-то мчит, держась за голову и воя так истошно, будто ему сверлят ее раскаленным

сверлом. Я бегу следом и... начинаю задыхаться. Мне чудится, что системы экзоскелета перестают подавать мне воздух. Я увеличиваю на ходу приток, но не помогает... Вцепившись мечнику в плечи, сбиваю его с ног и... мы снова летим вниз по склону, срывая дерн и ломая гнилые сучья. Где-то на двадцатой секунде неконтролируемого падения по нам начинают лупить системные полусферы и это заставляет Каппу очнуться на пару минут. Он перестает вырываться, мы начинаем двигаться осмысленно, уворачиваясь, ища укрытия за толстенными стволами, ныряя под корни... Мы проходим этот пояс смерти и... нас накрывает очередной приступ. Каппа с своим убегает, исчезая между стволами. А я... я не в силах сделать ни одного вдоха, мне чудится, что экз умер, фильтры забиты, я вот-вот задохнусь и.... темнота... следующее воспоминание – я бегу уже голым, сжимая в руках оружие...

– Вот же дерьмо! – подытожил я, на самом деле обрадованный тем, что начал вспоминать недавние события.

До этого – до бега по коридору с водой и опускающейся впереди стальной стеной – я помнил, как вскидываю руку с оттопыренным средним пальцем и насмешливо заявляю фальшивому Первому Высшему, что ему следует взять и...

– Вспомню еще. – буркнул я, финишировав у противоположной стены двора.

Его размеры впечатляли – я преодолел по выросшему на некогда чистом пространстве лесу больше полутора тысяч шагов, считая их машинально. То и дело попадались выворо-

ченные корнями массивные резные плиты, что некогда покрывали двор – или ими были вымощены дорожки красивого цветочного парка. Хотя непростой тут жил хозяин – богатый, но симпатизирующий нищebroдам сеньор, что уже немалая редкость.

К виднеющемуся среди деревьев дому – двухэтажному зданию, атакованному и побежденному природой – я приближаться не стал. Нет смысла. В такие богатые места суются в первую очередь. Все ведь убеждены, что богачи набивают комнаты своего дома съестными припасами, оружием, медикаментами, бухлом, резиновыми бабами и пластиковыми фаллосами, умеющими петь серенады. Тут вынесли все, что представляло хоть какую-то ценность. Тайники? Они вполне могут тут оказаться. Но, чтобы их отыскать, нужны сотни часов. И не факт, что содержимое тайника меня порадует – чаще всего там прячут золотые украшения, монеты и прочее. На кой хрен мне такое сокровище? Мне бы сейчас винтовку с оптическим прицелом. Или хотя бы запас патронов к дробовику и ружью.

Покинув двор – на стену забираться не стал, найдя очередной пролом – я оказался на том, что некогда было улицей. С трудом пробираясь между стволами, смотря, куда ставлю ноги и не приближаясь к накренным жирным кактусам с иглами длиной в мою ладонь, я двинулся по направлению к центру города, ориентируясь на небоскреб. И нет-нет я снова глядел в небо – дикарь Маверик не забыл упомянуть, что

иногда тут все же пролетают на очень большой высоте железные птицы, изредка спускаясь чуть пониже. Он показал руками их очертания. И сразу стало ясно, что это крылатые беспилотники – такие теоретически способны находиться в небе вечно. Солнечные панели на крыльях солидного размаха, экономичные электродвигатели, емкие батареи, хорошее оборудование для ведения разведки. Если есть база для посадки и хотя бы небольшого профилактического осмотра и мелкого ремонта – эти птицы из композитных материалов действительно могут летать вечно. Ну и, само собой, только дурак не подумает о спутниках, обладающих не менее зоркими глазами. Но тут уже сложнее – спутники не могут жить вечно. Рано или поздно они упадут или попросту отключатся. Плюс мотающиеся по орбите облака космического мусора, что представляли собой адскую проблему в те прошлые времена... Но все же бдительность ослаблять не стоит – уверен, что система наблюдает. Уверен, что система, которая вдруг начала палить по мне из пулеметов, уже ищет меня.

А может, уже и послала по нашему с Каппой следу того самого «молчаливого ассасина».

Это было бы вполне логично – послать за беглецами гребаного жнеца.

Жнец...

Что еще, нахер, за сучий жнец?

Кто этот хмырь в боевом экзе, что вычищает постапока-

липтичные города?

На ум сразу пришел герой... но разве герои не получают вечного рая в Землях Завета?

Хотя по умениям, по живучести – вполне подходило.

Вряд ли фальшивый Первый хотел сделать мне именно такое предложение – превратиться в молчаливого ассасина, что ни с кем не разговаривает, а просто стреляет. Нет. Не вариант. Во время разговора в накренившейся Башне было ясно, что от меня хотели не просто карательную тупую акцию по устрашению и уничтожению распоясавшихся дикарей. Нет. От меня хотели добиться согласия на выполнение серии очередных заданий в стиле «Дикая эволюция» – сначала найти, откуда эти ноги растут, и только затем вырвать их с корнем. От меня хотели разведку. Расследование. А это в первую очередь подразумевает жесткие допросы с пристрастием, долгие разговоры, мягкие беседы, а порой и нежные воркования.

Хотя, может, этот «силенсиозо ассасин» и был одним из таких, просто очистка небоскреба от паразитов была его побочным заданием, и он понимал, что не стоит тратить слов на ленивых аборигенов, возомнивших себя королями возрожденного дикого мира.

Гадать и предполагать глупо – слишком мало фактов. Я опять ощущал себя только что рожденным в стальной жопе мира гоблином. Снова в наличии лишь вопросы, но почти никаких ответов. Но сейчас было все же кое-какое отличие –

мои воспоминания стерты не полностью и медленно восстанавливаются.

Будет еще время подумать о молчаливых жнецах.

Хотя что тут думать? Что-то подсказывало, что подобных запретных «очагов» полным-полно по всему миру. Система наверняка регулярно посылается чистильщиков, руководствуясь простым надежным правилом: пусть в унитазе скопится побольше дерьма, прежде чем дергать за ручку смыва.

Усмехнувшись, я потратил три десятка шагов, обходя странное дерево, с шипастыми алыми плодами, серыми узкими листьями и растущими из единого основания многочисленными тонкими стволами с бурой гладкой корой. Дерево я обошел на уважительном расстоянии – все под его кронами усыпано мертвыми насекомыми и мелкими зверьками. Ну нахрен...

Пролез между двумя вздыбленными плитами, не обратив внимания на лежащий череп и пару костей. Услышав зыбкий знакомый звук, ненадолго замер, прислушиваясь. Убедившись, что мне не почудилось, прежде чем двигаться в ту стороны, оценил собственное состояние. Еще не хватало свалиться с очередным приступом в самый неподходящий момент. Организм отрапортовал, что вполне бодр, но голоден. Что ж – это идеальное состояние для короткой драки, но худшее, если предстоит долгое неподвижное наблюдение за подозревающей что-то целью.

Выйдя из-за кучи, что некогда была солидным кирпичным домом, я остановился за спинами сидящих на продавленном капоте лежащей в углублении мертвой машины. Гоблины наслаждались отдыхом. Копья и мачете приставлены к ободу того, что некогда было всепогодным многоколесным вездеходом класса люкс – тут в прошлом на самом деле жили богатые гоблины, могущие позволить себе большие траты. Хитрые ушлепки, прежде чем остановиться на отдых, убедились, что их не видно с небоскреба, усевшись так, чтобы их прикрывало несколько еще не обрушившихся домов. Неподалеку от оружия находились корзины, наполненные цельным кирпичом – груз невелик, максимум под сорок килограмм. Но для этих тощих доходяг, да еще и при такой влажной жаре... это серьезное испытание. На это они и жаловались, передавая из рук в руки мутную пластиковую бутылку с водой и дымящийся окурок замусоленной сигары. По прикрытым грязными майками спинами стекали капли пота, а из ртов изливались жалобы.

– Бастардос просят все больше. Десять ходок в день! Кто подумает о моей спине? – качая головой, вздыхал тот, чья голова походила на поросший черным жидким пухом бугристый орех. – Кто подумает о моих ногах?

– Им плевать на твои ноги и спину, амиго. Им плевать. – закачал башкой и тот, кто мог похвастаться нечесаной желтой гривой, собранной в пук на затылке. – Им нужен кирпич. Белый кирпич.

– А нам таскать!

– Но таскать не слишком далеко, амиго. Машина рядом.

– Тебе легко говорить, Ампи! Ты к нам пришел когда? Год назад?

– Где-то так.

– А я тут напрягаю жопу уже третий год подряд! И конца работе не видно. А ведь консильери обещал!

– Тише... тише...

Порывшись в кармане шорт, «орех» вытащил на свет блеснувшую золотом зажигалку, несколько раз щелкнул крышкой и вздохнул:

– Давай уж целую раскурим. Доставай сигару, Ампи.

– Педро...

– Давай, Ампи.

– Но Педро... – продолжал мямлить желтоволосый, с радостной улыбкой вытягивая из поясной сумки сигару. – Мы ведь берегли ее на особый случай. На праздничный...

– Ампи... я тут подумал – кто знает, когда мы умрем? Вдруг не доживем до того дня, когда Сильви наконец решит раздвинуть ляжки. Она обижена – ведь мы тогда чуток попортили ножами харю пришедшей Вулры, превратив ее в уродину. А зачем та тупая сука смеялась над нами? Эх...

– Сильви почти согласилась. Мы почти уговорили эту шлюху, Педро. Еще пара подарков, чуток листьев коки... и она наша на целую ночь! Моя мечта сбудется! – широко улыбнулся желтоволосый, крутя перед собой сигару. – И ни-

каких больше игр с ножами под кайфом! И знаешь... у меня есть ощущение...

– Какое, Ампи? – с предельной серьезностью спросил Педро, щелкая зажигалкой и высекая язычок пламени.

– Мне так хорошо... так классно... думаю, я буду жить долго. – ответил Ампи, наклоняясь к огню зажигалки.

Вытянув руку, я схватил его за пук волос, оттянул голову назад и перерезал ему глотку. Выхватив сигару, наклонился в замершему огоньку зажигалки, пыхнул пару раз и, зажав дымящуюся сигару в зубах, с интересом спросил у охреневшего Педро:

– А у тебя какое ощущение?

– Мерде-е-е... – проблеял тот, глядя как хрипящий друг падает харей на капот и замирает в скрюченной позе, посреди растекающейся лужи крови.

– Мне нужны ответы.

– Дерьмо...

– Мне нужны ответы. – повторил я, ударом ножа отсекая мужику ухо и тут же зажимая ему пасть.

– М-м-м-м-м!

– Ты очнулся?

Увидев бешеное мигание, я дымно улыбнулся и убрал руку:

– Машина где?

– Т-там...

– Как далеко?

- Шагов триста...
- Откуда брали кирпич?
- Там. Двести шагов. Старая крепкая вилла, облицованная белым красивым кирпичом...
- Сколько там еще носильщиков?
- Сегодня никого. Только я и... – Педро глянул на затихшее тело, судорожно сглотнул и заискивающе улыбнулся: – Что ты хочешь, амиго? У меня есть пару безделушек... не здесь... там... но я принесу. Только не убивай.
- Сколько у машины гоблинов?
- Кого?
- Сколько еще ушлепков у машины?
- Трое. Трое, амиго. Если надо – я успокою их. Отвлеку!
- Трое бойцов?
- Двое. И водитель. Но водитель вооружен обрезом.
- А бойцы?
- Автомат у одного. Второй с помповым дробовиком. Патронов мало – они на вес золота, амиго, на вес золота! Консильери прибьет любого, кто просто так потратит выстрел...
- Броня?
- А?
- Бойцы чем защищены? Бронежилеты? Кирасы? Шлемы? Размазанное по жопам высохшее дерьмо?
- У всех бронежилеты и шлемы, амиго. Но...
- Но?
- Жарко...

– И?

– Они все сняли. Жарко, амиго. Душно.

– Жара – это повод снять защитный шлем и бронежилет? – удивленно моргнул я. – Охренеть...

– Сидаджи мертв. Мы тут одни. Не считая больших кошек и черных медведей. Пантеры приходят редко и... они умные... они приходят сюда, чтобы полакомиться дикими свиньями, живущими на улицах. Амиго... послушай... прояви душевную щедрость...

– Ага – кивнул я и полоснул его по горлу.

Вскочив, Педро крутнулся в странном булькающем танце, споткнулся о труп и рухнул с капота на землю. Оглядев корзины и копья, я ничего не тронул. Принюхался к содержимому бутылке и, убедившись, что это вода, выпил остатки, после чего двинулся в указанном направлении.

Как странно – чем больше я убиваю, тем лучше себя чувствую.

Машина и охраняющие ее дебилы обнаружили быстро – благодаря ленивым громким голосам и противному позвякиванию, доносящемуся оттуда же, искать долго не пришлось. Выглянув из очередного автоматически найденного укрытия, я задумчиво оглядел то, что померший амиго называл «машиной». Для начала мое внимание привлекло то, что издавало пронзительный вибрирующий звон. Увидеть увидел, а вот понять удалось не сразу.

Деревянный ящик открытый с двух сторон. Установлен

на широченном капоте машины, частично перекрывая обзор тому, кто сядет на переднее место рядом с водителем. Внутри повернутого открытой стороной к ветру ящика странная хреновина, похожая на жестяной вентилятор, ловящий загнутыми лопастями легкий ветерок и ими же звякающий о медный нижний обод, висящей над ним хрустальной люстры с уймой висюлек. При каждом едва заметном легком ударе люстра содрогалась и противно звенела – причем звенела, скорее, не своими висюльками, а странными металлическими рогатками, приваренными к верхнему ободу. Камертоны? Резонаторы? Не знаю, я не настолько продвинут в этой музыкальной теме. Но рогатки обмотаны проводами, от люстры под капот тоже уходит провод, а среди висюлек отчетливо различаются несколько достаточно больших ламп. Звук противный даже для меня – обычного гоблина. А что слышат собаки, к примеру? Или кошки? Вряд ли они захотят приближаться к источнику мерзкого звука. Провод уходил и к вентилятору. Потрясающая хрень, в общем. Что-что, а подобную штукуну, вмонтированную в машину я никак не мог ожидать увидеть.

Сама машина...

Тут и думать нечего. Некогда он был электрическим пикапом. Потом над ним нехило поработали, приподняв над дорогой еще больше, поменяв колеса на самодельные, больше похожие на обмотанные колючей проволокой клубки окровавленных бинтов. Грузовой отсек частично загружен кир-

пичами, досками и парой пластиковых ящиков с пустыми бутылками. Задняя створка откинута, на краю сидят двое, держа на коленях оружие. Третий развалился в кабине, я вижу только его пятки.

В чем, сука, смысл такого труда?

Трое охраняют – но на самом деле нихрена не делают. Двое таскают – но на самом деле больше отдыхают, чем работают. Я, конечно, далеко не менеджер по организации рабочего процесса, но даже я понимаю насколько это, сука, неэффективно.

Впрочем, если они никуда не торопятся...

Нет...

Будь я их боссом... уже бы отмывал их кровь с машины.

Измерив взглядом разделяющее нас расстояние, выждал на всякий случай еще пару минут и, когда оба сидящих сзади придурка синхронно закатали глаза и протяжно зевнули, я покинул укрытие и двинулся к ним, вскидывая ружье. Два прозвучавших выстрела не произвели много шума, да и тот быстро затерялся среди обросших зеленью разрушенных домов. Одно плохо – действовать приходилось в месте, где машину легко могли увидеть с небоскреба – пикап стоял посреди широкой улицы, частично освобожденной от буйной растительности. Если у этих дикарей имеется дозорная служба, и они хоть изредка прикладываются потными бровями к биноклям... они могли увидеть, как умерли двое из них, брызнув мозгами и упав навзничь. Подскочивший в кабине во-

датель врезался башкой в потолок, что-то испуганно заорал, пытаясь спросонья спросить, что случилось, а затем вопросы у него отпали – я схватил его за ногу, выволок наружу и утопил ему нож в правому глазу. Перешагнув через дергающееся тело, забрался в кабину. Пошарив там, выполз, сжимая под мышкой нужное, забрал из багажника еще несколько предметов и, уже солидно нагруженный, присел за машиной, где меня не могли засечь в оптику с Небесной Башни.

Три литровые бутылки с водой, десяток пресных кукурузных лепешек, банка с чем-то острым и овощным, судя по запаху, завернутая в тряпку жареная курица – это все ушло в сумку с длинным ремнем. Туда же лег весь огнестрел. Накинув на себя бронежилет, нахлобучил на башку шлем без забрала – я выбрал лучшее, что было – прихватил с трупа неплохой кожаный ремень, пару тряпок и, вскинув сумку на плечо, двинулся дальше, предварительно убедившись, что раскинувшиеся трупы хорошо видны отовсюду.

Немного жалел, что не было времени расспросить про люстру на капоте – Каппе там, наверное, уже стальную жопу сверлят, пытаясь добраться до сочной мякоти, так что надо ускориться. Но жалел именно что немного – еще представится шанс пообщаться с говорливыми туземцами. Имелись и предположения. Люстра – это пугач. И понятно, что вряд ли они отпугивали им гоблинов или жнецов. Они пугают этим зверье, что облюбовало покинутый людьми город. Хищников вроде пантер, что могут подкрасться незаметно и одним

укусом порвать глотку.

Приостановившись, перезарядил ружье, закинул на плечо автомат, свернул себе буррито, выплюнул сигару, тщательно растер ногой, чтобы не случилось пожара и потопал дальше, не выпуская из виду медленно приближающийся небоскреб.

Интересно, когда до этих хренососов дойдет, что с их звеном сборщиков произошло что-то нехорошее?

Весь юмор в том, что они могут и не заметить гибели родных им ушлепков – потому что все их мысли сейчас заняты найденным в джунглях стальным гигантом Каппой. И это хорошо – вся эта ситуация позволит мне оценить дисциплинированность аборигенов небоскреба. Чем дольше они будут пропускать мимо глаз случившееся со сборщиками, гниющими на солнцепеке – тем хреновей у них с дисциплиной.

– А вкусно. – удивленно заметил я, распробовав овощной паштет. – Надо будет спросить рецепт...

Глава третья

Утирая пот, чертыхаясь, я высосал остатки воды из сплюсненной хрустящей бутылки и уронил ее на татуированную мускулистую спину девки, что блаженно покачивалась в гамаке, расположенном под слишком низким тентом, что в свою очередь находился на крыше восьмиэтажного здания в полукилометре от Небесной Башни короля Джакомо Бубы.

Проклятье...

Дернуло же меня что-то инстинктивное и сумрачное перейти на бег. Думал, что пробегу не больше двух километров, но вошел в ритм, поймал привычную отстраненность и, еще чуть ускорившись, в итоге бежал целый час, петляя между деревьев, оббегая здания, перепрыгивая трещины и кочки. Я бы не заметил этих наблюдателей, не вздумай один из них гордо поссать с крыши, в то время как вторая насмешливо что-то ему говорила. Гулкое эхо их голосов отразилось от стены соседнего здания и достигло моих ушей. Увидев исходящий с крыши дымок, заметив качающийся темный силуэт на краю, я нырнул в один подъезд, тут же выскочил и сунулся во второй, да так там и остался, заметив явные следы регулярного его использования. Взлетев по очищенным от мусора истертым ступеням некогда роскошного старинного здания, я поднялся до крыши, в пару прыжков оказался у окруженного кирпичными бортиками наблюдательного

пункта, схватил стоящую на дровяной железной плите раскаленную чугунную сковороду и вбил ее вместе с яичницей в харю разинувшей пасть девки. Следом брошенная сковорода угодила чуть ниже шеи ссущего дебила, отчего тот качнулся вперед и полетел вниз с перепуганным воплем:

– Горячо! Горячо!

Добив оглушенную девку, щеголявшую отвислым пузом и застиранным топом, я выпил воду, после чего занялся оружием. Дробовики разрядил и тут же уничтожил, безжалостно разбив механизмы и согнув стволы – это ржавые давно отслужило свое, но не оставлять же за спиной потенциально боееспособное оружие. На скверные ножи, тесаки и задолбавшие уже, сука, копья – на кой хрен их столько наклепали?! – я быстро осмотрел все и радостно заулыбался, когда в мои ладони тяжело легли три увесистых ребристых шара. Никак планировали врага прямо с крыши гранатами глушить?

Цапнув еще одну бутылку с водой, отбросив старый и подхватив новый с целым забралом шлем, отмеченный двойной линией алых крестиков, спрятав все в сумку, кроме автомата и обреза, я рванул прочь, с легкостью таща солидно потяжелевшую ношу. Не успел преодолеть и двух этажей, как на улице отрывисто затявкала тревожная сирена. Другой звук – не как у системы. Та выла протяжно и грозно. А здесь тьяканье обосравшейся декоративной собачки. Притормозив у края окна, коротко выглянул наружу. Сирена доносилась от небоскреба, от него же повалил красноватый, но больше се-

рый густой дым.

Разглядели наконец-то дохлых сборщиков? Или увидели, как я кормлю яичницей одного из их наблюдателей? Неважно. Так и так причиной переполоха был я.

Слетев вниз, нырнул в соседнее приземистое здание, что, как тут же выяснилось, раньше было банком – и солидным. Огромный старомодный мраморный зал, монолитные стойки... правда, сейчас большая часть дорогого покрытия отсутствовала – и я догадывался, куда оно делось. Выскочив через огромное окно, я очутился на заднем двореке, забитом потемнелыми остовами заросших машин. Замерев здесь, прислушался – снова голоса? Да... и голоса торопливые, чуток испуганные, переполненные адреналином. Убедившись, что там как минимум четверо хрипящих и орущих гоблинов, я зачерпнул грязи, растер по харе, снова захлопнул забрало и поднялся. Отшвырнув ногой полосатую змею, перепрыгнул через тянущуюся по земле толстую лиану, выскочил через дыру в обвалившейся стене и... оказался позади спешащей команды очередных сборщиков, сопровождаемых пыхтящей двойкой воинов. Причем воины бежали впереди. На меня, бегущего в шлеме с опущенным забралом, бойцы обратили чуток внимания, после чего... отвернулись и побежали дальше. Один хрипло велел:

– Держись сзади, амиго. И держи ствол наготове!

– С радостью! – буркнул я.

– Сумку отдай этим... пусть тащат! А ты держи лапы на

стволе!

– Есть!

– Вот так... вот так, амиго! Че за тревога?

– Какой-то бастардо убил бригаду сборщиков. – произнес я чистую правду и подхватил запнувшегося сборщика под локоть, не давая ему упасть.

– Гратиас, амиго!

– Ага. – улыбнулся я ему сквозь забрало и подтолкнул вперед.

– Мы убьем этого бастардо! – продолжил сборщик с оттянутыми чуть ли не до плеч мочками ушей, со вставленными в них обрезками бамбукового ствола.

– Ага...

– Вон впереди подъем, амиго!

– Ага.

– Быстрее! – замахали нам от достаточно вместительной платформы грузового лифта.

С грохотом опустились решетчатые заслонки, лифт с лязгом, визгом и удивительной скоростью взлетел вверх. Все сгрудились у решетки, наблюдая за уходящим вниз городом.

– Может, увидим долбанного отсоса? – с надеждой спросил кто-то из них, когда лифт уже останавливался.

– Да его положили уже! – уверенно заявил второй. – Сейчас отрубят сирену.

Лифт встал. К этому моменту я уже стоял боком и сразу увидел замерших на краю этажа двоих в бронежилетах

и шлемах. Поймал пристальный взгляд одного из них, уже раскрывшего рот, чтобы задать очевидный вопрос. Отшагнув, вскинул автомат и в упор всадил в каждого по несколько пуль, целясь под нижний обрез бронежилета. Повернувшись, перечеркнул очередь только начавших оборачиваться хренососов, после чего вернулся к первым двум и добил их, опустошив магазин. Услышав крики, шагнул внутрь здания. В разгоняемой парой не слишком ярких светильников полутьме увидел двоих – перемотанного бинтами лежащего парня и бегущую ко мне с копьем наперевес кричащую девушку. Выстрел из обреза отшвырнул ее назад, после чего я заглянул в крохотную клетушку у стены, где прикончил писклявого старпера, прятавшего за спиной нож. И вернулся к перевязанному парню, опустившись рядом, спешно перезаряжая автомат и не спуская глаз с единственного входа – стальной сдвижной двери в противоположной стене.

– Ты кто, амиго? – выдохнул раненый, с перемотанной башкой. Бинты открывали только нижнюю часть лица. – Что за стрельба? А? Кто палил?!

– Кто тебя так? – проигнорировал я вопрос.

– Стальной... экз...

– Ну?

– Махнул рукой... снес половину лица... орал про сучьего ублюдка Оди... потом пробил мне кулаком в бок... порвало кожу... сломало ребра... а потом еще удар... и я наконец-то отключился. О Мама...

– Вот так сходу взял и врезал тебе?

– Нет... нет... сначала он спросил не видел ли я гребаного ушлепка Оди. А когда я сказал, что не видел... он заорал, что тогда мне нахрен не нужны мои гребаные глаза... и... и вырвал мне глаза вместе с лицом! Я ослеп из-за Оди! Да я его даже не знаю! Не знаю! А ты? Ты знаешь его?! Ты знаешь гребанного Оди?!

– Где тот экз?

– Он затих... его пронесли час назад. Во второй лифт... так ты слышал что-то про гребанного Оди, амиго? Я не узнаю твой голос...

Встав, я огляделся, наведалься к лифту, забрав сумку и, не забыв содрать с одного из охранников разгрузку, чтобы тут же натянуть ее на себя и распахнуть по отделениям трофейные боеприпасы, двинулся к проходу, задумчиво бормоча:

– Где мой экз?

– Амиго... так ты... ты... – уронив голову на бок, раненый что-то забормотал. Он уже входил в фазу агонии и, если ему повезет, она продлится недолго.

За узким коридором, снабженным толстыми бетонными укрытиями, способными вместить прижавшегося к стене бойца в полном снаряжении, никого не было. Но я понимал – это ненадолго. И постарался ускориться, благо коридор был идеально прямым, а все отходящие от него в прошлом двери были замурованы. Я пробежал тридцать метров и ненадолго оказался в густом сумраке. Почти темнота. Зато впе-

реди мерцает тусклый желтый свет, освещая разошедшиеся в стороны изогнутые стены. На мгновение остановившись на пороге, я огляделся.

Округлое небольшое помещение. Напротив меня – следующий коридор. Глянув наверх, я понял суть этого «аппендикса» – в широкой щели пряталась поднятая железная створка, толщиной сантиметров в десять. Вот дерьмо... Осмотревшись внимательней – оставаясь в сумраке – на стенах я увидел две камеры наблюдения. Допотопные старые ящики, покрашенные в темный цвет.

Я невольно дернулся, когда впереди замелькал луч фонаря, а затем послышалось нервное посвистывание, что прервалось характерным щелчком и треском эфира:

– Да?

– Рацию отнес?!

– Несу! Несу я!

– Живей!

– Да рядом я уже! – зло прохрипели в ответ из коридора.

Я рванулся вперед, в несколько прыжков преодолев опасное место, влетев в противоположный коридор и резко остановившись в сантиметрах от охреневшего гоблина, что никак не ожидал моего появления и замер подобно испуганному оленю.

– Давай еще быстрее! Они не отвечают на звонок телефона! – столь же нервно донеслось из крепко сжимаемой в потной лапе рации.

Я поощряюще улыбнулся.

– С-си... – пробулькал побелевший гoblin, для чего-то наводя дрожащий луч фонаря себе на лицо и широко-широко улыбаясь, показав весь свой кариес и позеленелые десны.

– Канал общий для всех?

– Си?

– Канал радиации – общий для всех? Все на нем говорят?

– Н-нет, сеньор. Этих всего три. – чуть ожил бледный гoblin в рубашке без рукавов и воротника – Обычно они для садовников...

– А ты садовник?

– Си, сеньор.

– А зачем тебе нож, винтовка и мачете, если ты садовник? – зевнув, поинтересовался я, не теряя времени зря и оглядывая те коридоры, что начинались за спиной вляпавшегося ушлепка. – Розы совсем охренели, а морковка грозит порвать жопу любому, кто ее сожрет?

– Сеньор... в сидаджи беспокойно... нам сказали взять оружие – мы взяли. Мы садовники, сеньор.

– И ты никого не убивал?

– Никогда, сеньор! Меня изгнали, когда я, спасая себе жизнь, убил сошедшего с ума дивинуса!

– Дивинуса?

– Священные звери, сеньор. Вижу, вы не из этих краев? И такие мышцы... будто отлиты из закаленной стали. Хотел бы я такое тело...

– Звери с электроникой внутри? Геномодифицированные?

– Очень сложные слова, сеньор. Может, и да. Дивинусы – посланники Матери. Они сошли на грешную землю, чтобы заботиться о реках и долинах, о лесах и горах. Они часто встречаются мирным путникам, но почти всегда проходят мимо. А порой приносят в дар только что убитого хромого оленя или гроздь вкусных ягод. Я слышал, что один дивинус принес даже целебную траву... Они славные и добрые. Почти всегда...

– Ты дважды повторил это.

– Что, сеньор?

– Почти всегда – ты дважды сказал это.

– Да... Почти всегда. Но иногда даже посланники бога сходят с ума, сеньор. Я убил спятившую лисицу! Она еще оставалась быстрой, но ее пожирали черви... падали из ушей, лезли из носа... и она убивала все, что попадалось ей на глаза.

– И ты убил ее?

– Она хотела убить всех нас! Без всякой причины! И начала с моей женщины, набросившись на нее из зарослей... Да, я убил ее. Тесаком. Но она успела вырвать у меня два куска мяса из ноги. С тех пор я хромой. Истекая кровью, я плакал над умершим дивинусом. Но вряд ли он простил меня. Как не простила Мать и не простило родное племя.

– Мать?

– Ее стальные вооруженные всевидящие глаза...

– Открыли огонь по тебе? – понимающе кивнул я, забирая рацию и фонарик.

– Да, сеньор. И племя изгнало меня. Я долго скитался, пока не вернулся к этому сидаджи, где и осел, выращивая овощи. Простите меня, сеньор.

– За что?

– За то, что я хочу прожить чуть подольше и поэтому отнимаю ваше время.

– А если я не убью тебя?

– Я спрячусь в самой темной дыре – а я знаю такую – и затаюсь. Если вы победите и уйдете... я уйду следом или останусь тут. Если вы умрете... я разобью себе голову о стену и скажу, что это сделали вы, оглушив меня.

Секунду подумав, я усмехнулся:

– Ладно, хромой садовник. У меня не слишком хорошие воспоминания про сады и садовников, но тебе я дам шанс. Исчезни. И никогда больше не попадайся мне на пути.

– Нет, сеньор! Никогда!

– Где трофейный экзоскелет с бойцом внутри?

– Выше, сеньор. Они тщательно охраняют его.

– Пытаются выковырять?

– Нам не разрешают смотреть. Это в одном из залов на шестидесятом этаже. Зеленая большая кнопка, сеньор.

– Садовник...

– Да, сеньор?

– Ты ведь не лжешь мне?

– Я знал... знал, что однажды и сюда придет смерть, сеньор. Мы изгой, что нарушили законы Матери. Мы обречены на смерть. Хотя я ожидал увидеть железного жнеца из легенд. И я даже представлял, как он наступит мне на ногу, плюща ступню, следом рассечет мне живот, а затем всадит мне пулю в лоб, и я...

– Исчезни.

– Да, сеньор. Зеленая кнопка. Держитесь левее.

Я сделал шаг вперед и... резко обернулся, уперев луч трофейного фонарика в садовника. Луч уперся не в его затылок, как должен был по идее, а прямо в суженные глаза. Ствол автомата ткнулся ушлепку под подбородок, и мы снова замерли. Но на этот раз в левой руке садовника был зажат небольшой револьвер с куцым стволом, а в правой он держал нож с узким обоюдоострым лезвием.

– Никому нельзя верить, да? – солнечно улыбнулся я и услышал в ответ злобный хрип.

Выслушав рычание, я кивнул:

– Ну да. Понимаю тебя. Знаешь... я бы еще поверил, что садовника во время боевой тревоги спешно послали проверить замолкших лифтеров – особенно, если ты был ближе всех к ним и имел при себе рацию. Но откуда тебе, бывшему дикарю, знать про боевую машинную связку, где экз сначала иммобилизует противника, прижимая его ногу к полу, затем секущим движением левой отбивает его руки с оружи-

ем в сторону, порой отрезая их и вспарывая живот, а следом стреляет бронебойной в башку... Тебе в джунглях такое приснилось, а?

– С-сука! – лжесадовник начал с удара ножом, но я опередил, нажав на спуск, отправляя макушку его черепа в полет.

Отступив, позволил телу упасть, после чего забрал нож и револьвер. Проверая на ходу барабан – три из пяти – добрался до открытой кабины лифта, чуть постоял... и пошел мимо. Соблазнительно, конечно, но я же, сука, не совсем конченый, чтобы раскатывать на неподвластных мне лифтах по вражеской территории. Рядом всегда должна быть... ага...

Обнаружив рядом дверные створки, мягко толкнулся в них плечом пару раз, прислушался к звону цепей с той стороны, после чего отошел за угол, прицелился и выпустил пару коротких очередей, пробивая мягкий металл. Выбив дыру и не получив по башке рикошетом, сунул в отверстие гранату и снова отошел, заученно приоткрывая рот. После взрыва, морщась от едкого запаха, толкнул створки и протиснулся в приоткрывшуюся щель – двери чуток перекосило. Глянув вверх, потушил фонарь, проверил обмотки на ногах и тяжело вздохнул – еще один, мать его, забег. А времени все меньше... Убедившись, что при движении не звякаю и не скриплю, начал подниматься, следя за дыханием и сразу замедляясь, если оно становилось слишком учащенным.

– Ну нахер. – задумчиво произнес я, стряхивая с тесака кровь хрипящего у моих ног толстяка с рассеченной харей. Раздавив чье-то глазное яблоко, переступил пару еще дергающихся тел, обходя вокруг массивного стального верстака, на котором возлежала на спине Глефа.

– Оди! Командир! – заговорил экз, дернув опутанными цепями руками.

– Охренеть. – повторил я и, не выдержав, заржал в голос. На экзоскелете покоилась позолоченная жопа в аккуратных штанцах с задними карманами. Из одного кармана торчала свернутая газета – тоже золотая. Вообще вся эта хрень была пустотелой и очень грязной, сверху были проделаны проушины для крюков, с помощью которых эту жопу перемещали по залу – по потолку шли направляющие для лебедки. Превращенная в странный контейнер жопа была доверху заполнена железным хламом, что, учитывая ее размеры, доводило ее вес до охренительной величины. Плюс цепи на экзе... а рядом вон электрическая пила лежит подготовленная...

– Командир...

– Жопа тебе, Каппа, – замотал я головой, опускаясь рядом с еще одним недобитком, что почему-то еще дышал, хотя у него было снесено полбашки его же дробовиком.

Всего я прикончил семерых, чтобы добраться сюда и... увидеть золотую жопу.

– Командир... вытащи меня...

– Из жопы?

– Да... – после секундной паузы признал мечник. – Я в жопе...

– Че ты там орал про ублюдка Оди?

– В джунглях?

– Ага.

– Помнится смутно.

– Ну конечно... как командира ублюдком называть – так помнится смутно, да?

– Зато помню остальное!

– И то, что было после Башни? – выпрямился я и ударом ноги расплескал содержимое мозгового чайника по полу, туша окурок сигары, что почти подпалил старый порножурнал.

– А ты нет?

– Нам есть о чем поговорить, боец. Если ты еще мой боец...

– Я под твоим началом, лид! И всегда был!

– А как же...

– О ней тоже хотел поговорить. Тот Первый Высший – лгал!

– Это я уже понял. – кивнул я, осматривая свисающие с потолка цепи.

– Я никогда не любил госпожу как мужчина любит жен-

щину. Нет! В жизни я познал любовь, но не к ней, а к другой, куда более красивой для меня девушке. И случилось это уже гораздо позже – когда я был вдвое старше и служил в Дальнем Патруле Атолла!

– Говорю же – нам есть о чем поговорить. – подытожил я, определив, какую ручку надо крутить, чтобы высвободить Каппу из жоповой ситуации.

– Они сказали, что внутри жопы взрывчатка, командир. Если вдруг вывернусь – подорвут.

– Золотая жопа с взрывчаткой. – покачал я головой. – Потрясающе. Хоть у кого-то здесь есть чувство юмора, да?

– Оди...

– Да? – отозвался я, начиная крутить.

– А это смешно? Золотая жопа с взрывчаткой... что я могу умереть от взрыва жопы.

– А тебе не смешно?

– Нет.

– Рэк бы оценил. – вздохнул я, глядя, как тяжелый груз медленно поднимается в воздух.

Приподняв еще сантиметров на двадцать, взялся за цепи, сбив замки и скинув звенья. Глефа дернулась, сползла с верстака и отскочила на пару метров. Каппа облегченно и крайне эмоционально выругался.

– Ну? – зевнул я, глядя на стального бойца. – Будем отношения выяснять, гоблин?

– Я же сказал – я с тобой, командир!

– Хорошо. – кивнул я. – Осмотрись. А я пока пригляжусь вон к тем сапогам. Выходим через пять минут. Нам надо за-
теряться в этом сраном небоскребе. Кстати, Каппа.

– Да, командир?

– А где мой экз?

– У короля Джакомо Бубы... как я понял, он хочет оста-
вить его лично для себя... меня собирались пытаться, чтобы
узнать пароль.

– Король Джакомо Буба хочет забрать мой экз себе. –
широко-широко улыбнулся я, перезаряжая дробовик. – Лад-
но... ладно...

* * *

Место для отдыха и разговора мы выбрали неподалеку от
ринга – пятиугольной арены, забранной решеткой и сеткой
со всех сторон. Бетонный пол, поднятые ярусами амфитеат-
ра кирпичные длинные скамьи. Все удобства. И небольшой
спортзал в наличии – свисает десяток самопальных боксер-
ских груш, выстроились в ряд тренажеры, на полу несколько
штанг. Чистота и порядок. А вон и железные шкафчики тя-
нутся вдоль стены, прерываясь на вход в душевую. За парой
стен находится обширный склад-мастерская, где неумело ко-
лупали Каппу. Вокруг этого «сердца» шестидесятого этажа
сгруппировалась нехилая территория, которую я по привыч-
ке мог бы назвать жилой кляксой. Мало стен, а если и есть, то

только основные. Зато много самых различных столов, стульев, но лидировали самодельные диваны. С потолков свисали многочисленные экраны, что сейчас показывали не развлекуху, а происходящее снаружи небоскреба. На мертвый город смотреть особого желания не было, поэтому мы, пробежавшись по этому хаосу, предоставляющему столько шансов надежно укрыться, выбрали место с наличием энерговода.

Мы обосновались в узкой галерее, что шла вдоль внешней стены здания, показывая за застекленными окнами панораму одичавшего мегаполиса. На десять метров ниже нас находился широкий выступ, что раньше, наверняка являлся не самым дешевым в этом городе рестораном, а сейчас там сделали огород. Еще пару минут назад на краю этого поднебесного огорода, жопами к нам, лежало два наблюдателя, внимательно пялящихся на город – надо думать, искали меня. По понятной причине не нашли, зато их отыскивали соплеменники и загнали внутрь, сообщив главную весть – злой гоблин в здании. Сирена заткнулась, вскрывшийся Каппа, раздевшись, голым и вонючим, весь в тягучей блевоте, сидел на кортах и, щедро тратя найденные бутылки с дождевой водой, оттирал подзаряжающийся экзоскелет изнутри. Я, заняв позицию так, чтобы видеть все подходы к нашему укрытию, привалился к стене, вытянув дрожащие от недавней нагрузки ноги, зевал все чаще и внимательно слушал говорящего мечника, не забывая задавать вопросы. Не до конца пришед-

ший в себя Каппа говорил медленно, старательно выговаривая слова, но я не торопил его – нам нужно подзарядить экз. Глупо лишать себя огневой мощи и защиты боевых доспехов. Учитывая тот веселый факт, что вокруг было тихо, можно было сделать простой вывод – всех загнали наверх, перекрыли броневые двери, забаррикадировались для верности и сейчас дружно прячутся в экраны, выискивая противника и пытаются что-то спланировать.

А план их очевиден – не всю же жизнь сидеть на вершине небоскреба. Пусть они несколько ошалели от внезапности и количества потерь, а теперь еще и Каппа освобожден, но выбора у них нет – рано или поздно они вышлют боевой разведывательный отряд. И отправят его именно сюда – на шестидесятый этаж. Почему? Потому что мы разбили здесь все камеры. И ни разу не появились на лестницах, что ведут выше – их тут несколько и все неплохо защищены. Выводы сделать легко. Вопрос только в том, как быстро они наберутся смелости. Но, как всегда, все начнется, когда самый крутой да дерзкий вдруг хищно оскалится и бодро заявит любимому королю – дай мне пяток бойцов на выбор, и я разберусь! А ты потом не забудь проставиться, ваше величество.

Если король debil – он послушает придурка. А если у него теплится смутная надежда подчинить себе Ночную Гадюку – он пока придержит рвущихся в бой ушлепков. Так и так время у нас есть, и Каппу я слушал с ленцой, неспешно разбирая трофейный револьвер.

– Меня прямо рвет на части все рассказать... последствия уколов? Не могу молчать...

– Так говори.

– Ну... Как ты показал тому старику средний палец – все и закрутилось. Он развел руками, вздохнул тяжело, долго качал посеребренной головой, а затем сказал: «Тебе придется послужить на благо мира, герой Оди, ибо ситуация становится критической. Ты служил тогда – послужишь и сейчас. Если не хочешь послужить разумно – послужишь слепым орудием, что так прекрасно умеет выживать. – перевел взгляд на меня и добавил: – Выбирай свою судьбу и ты. Докажи, что ты человек разумный, и...».

– А ты?

– Ну... меня как раз трясло от нарастающей злобы, лид. Я еще не все вспомнил, но видел, как стою перед тобой с мечом в руках, а ты держишь на руках обмякшее тело с запрокинутой головой... ее тело... Меня пару раз тряхануло, а затем я просто повторил за тобой.

– Показал средний палец и послал нахер?

– Точно. В полу что-то щелкнуло. Мы рванули к экзам. Но не успели – свалились и очень быстро. Газ.

– Газ. – медленно повторил я, пытаюсь вспомнить, но мозг выдавал лишь разрозненные картинки. – Что потом?

– Чернота. По ощущениям – ненадолго. Но бессознанка всегда обманчива.

– Согласен.

– Я очнулся – а мы лежим на решетчатых таких кроватях, руки и ноги в стальных замках с мягким подкладом, а над нами куча манипуляторов и шлангов. И запах – сразу ясно, что тут часто режут на куски. Головы тоже зафиксированы стальными ободами, не поднять, но повернуть можно. Так увидел тебя. У тебя в шее слева торчит игла. У меня тоже. Говорить не могу. Глаза у тебя открыты, смотришь в потолок, но нихрена, походу, не видишь. Ты в бессознанке, но дергаешься – тело буграми, пытаешься вырваться. Еще под потолком что-то мерзко мигает... сиреневым таким... раз мигнет – и тошнота подступает. Два мигнет – и башка начинает болеть. Еще там изогнутые чутки экраны, на них быстро-быстро мелькают картинки.

– Почему ты очнулся, а я нет?

– Расскажу. Я как глаза открыл – увидел, как от меня поднимается манипулятор с иглой. Мне сделали укол. Следом такой же потянулся к тебе, но резко остановился – так, будто его схватил кто-то. Думаю, меня тем уколом и разбудили – причем резко. Сиреневый продолжает мигать, на экранах мельтешит, я повернул и наблевал на стол. Говорить по-прежнему не могу – будто голосовые связки вырезали.

– Что дальше?

– А дальше над нами начала ругаться Мать.

– Мать? – изумленно переспросил я. – Ты хотел сказать – система?

– Ну да... но тогда это была Мать! Гневная! Праведная!

Сражающаяся за своих детей!

– Каппа... тебе по башке слишком сильно дали?

– Послушай, командир. Ты знаешь – я придумывать не стану.

– Ну?

– Мать... система... озвучивала все для нас – для меня. Я не сразу это допер, ведь неясно, с кем она ругалась. Этот кто-то хотел завершить начатое. А система не позволяла. Если вспомнить, что конкретно говорила она... – наморщив лоб, Каппа помолчал, вспоминая. – Все в голове не удержал, но... Она говорила: «Отмена! Контраргумент! ТИР объектов не подразумевает манипуляций с памятью!». Потому тишина... манипулятор поднимается выше... и снова идет вниз к тебе. Снова голос Матери: «Отмена! Наложение запрета на необоснованное вмешательство!». И так целых полчаса – туда-сюда! Потом тебя укололи, а у меня щелкнули замки. Я со стола упал, а замки тут же защелкнулись. Я к тебе. Наблевал на тебя...

– Не страшно.

– Как твои замки раскрылись – стащил тебя. Мы едва не упали – в стене дверь открылась. Я тебя волоком туда. Коридор со стеклянными стенами. А за стенами – люди спят голые. Много. Ярусами. Тысячи людей, командир. И коридор уходит вдаль – долго по нему бежать не пришлось, Мать указала, где свернуть.

– Система.

– Мать. – убежденно повторил Каппа. – Она сражалась с нами!

– С кем сражалась?

– Не знаю точно. Но думаю – с Первым Высшим.

– Это фальшивка. – буркнул я. – Тоже программа. В башне мы общались с системой.

– Не думаю. – покачал головой Каппа и принялся оттирать уже себя, для начала вылив одну бутылку на макушку. По телу побежали грязные ручьи, запах пота и рвоты усилился.

– Что дальше?

– Я протащил тебя в еще одну дверь – а там наши экзы лежат на полу. Лежат в длинном ряду других экзоскелетов – не все боевые, но все уже потрепанные чуток, с разным окрасом, с разными эмблемами. Я только успел тебя в Гадюку запихнуть и сам влезть в свой – панели под нами открылись, и мы ухнули в коридор.

– Коридор с ледяной водой?

– Да! Вспомнил?

– Только коридор.

– Ты очнулся в этот момент. Встал, заорал мне: «За мной!» и рванул. Хотя по голосу и по тому, как ты о стены бился, было ясно – бежишь на рефлексх, а башка не включилась. Я еще порадовался, что у меня мозги покрепче, чем у командира. А потом...

– А потом меня отключило, и больше я не помню уже ничего. Ну, почти ничего. Помню какие-то невероятные по раз-

меру дерева, помню, как убиваю огромную змею, а из нее летят искры вперемешку с каплями крови. Помню, как меня скручивает, как изо рта блевота, а я понимаю, что из эк-за вылезать нельзя – хрен знает, где мы. И тут началось удушье... вдыхаю – а в легких пусто.

– У меня было такое же.

– Как продержался?

– Никак. Вскрылся. – признался я с косой усмешкой.

– И я хотел. – кивнул Каппа. – Это помню. А потом... уже ничего не помню, кроме плескавшей в забрало крови. Натворил я дел?

– Да похрен. Главное – живы.

– Не знаю, что за химию нам вкололи в начале, что за сиреневые вспышки и картинки на экранах, но... я вспомнил очень многое. Но это вроде как побочный эффект незавершенной процедуры...

– Откуда знаешь?

– Просто кажется. Но странно, что я не мог ничего сказать – и холодок в горле. Реально почудилось, что мне вырезали голосовые связки.

– Силенсиозо ассасин. – пробормотал я.

– Что?

– Позже расскажу. – пообещал я, заряжая револьвер. – Значит, система защищала нас от промывки мозгов?

– И говорила про какой-то ТИР. И не раз. Все повторяла про приоритеты, ценность для мира и полную нашу принад-

лежность миру Франциск Второй. Она действительно сражалась с кем-то. С Первым Высшим?

– Да точно не с ним! – уже зло рыкнул я. – Он создатель всего этого дерьма! Он бы точно справился с любым закидом системы! Нет! Если пытавшаяся вытащить нас наружу подделка Первого Высшего была программой – то система бодалась с... системой! Это самый очевидный ответ. Как мужики членами, они мерились приоритетами.

– Когда мы бежали тем коридором с холодной водой...

– Ну?

– Мать крикнула вдогонку, что здесь кончаются ее пределы. И... пожелала нам удачи. А еще сказала: «Тут ваш дом, герои, дом, где вас всегда ждут и любят». Представляешь?

– Ты размяк, гоблин, – проворчал я. – Спишу это на передоз химии и блевоты.

– Это зацепило за душу. – признался Каппа. – Реально зацепило. Где мы вообще? И где наш мир?

– А вон, – я указал на то, что возвышалось над городом, – вон наша родина, гоблин. Оттуда мы и вылезли... Как тебе вкус свободы?

– На вкус как рвота. Но с какой системой боролась наша Мать, спасая нам жизни и... разум?

– По нам стреляли расположенные на склоне этого исполина системные полусферы. – вспомнил я. – Значит, ими управляет не наша система, что считает нас героями высшего ранга с отличным рейтингом. Этими полусферами управ-

ляет наружная система. И весь вопрос, Каппа, только в том, насколько большая территория у нее под управлением. Вряд ли она прикрывает лишь крышу нашего Франциска. Скорей всего, управляет нехилой частью планеты. И это еще не самый худший вариант.

– А какой самый худший?

подавшись чуть в сторону, я глянул в по-прежнему безмятежное небо и невесело улыбнулся:

– Самый плохой вариант – если та система, та фальшивка, что пыталась вытащить нас наружу и заставить выполнять задания, управляет всей планетой.

Выдержав паузу, Каппа отбросил грязную тряпку и молча покачал головой.

– Да, гоблин. – усмехнулся я. – Если так – то против нас целый мир.

– Главное – избегать полусфер?

– Не только. Мы выбрались в результате сбоя. А раз так – нас надо устранить. Надо ждать гостей. Того же жнеца...

– Что за жнец?

– Расскажу позже. Но повоевать нам придется.

– Против короля?

– В жопу короля. – поморщился я. – Думай о будущем.

– И как вытащить наших?

– Отряд?

– Да.

– Даже и не знаю. – признался я, снова сквозь окно глядя

на исполинский купол. – Даже и не знаю. Да и стоит ли?

– Почему?

– Они в своем мире, Каппа.

– Рэк. – коротко произнес азиат и я зло выругался.

Ну да... орк точно отправится меня искать. И найдет на свою упертую жопу целую кучу проблем – это гарантировано.

– Постараемся связаться с родной системой. – подытожил я. – И в самое ближайшее время.

– А потом?

– Потом будем разгребать дерьмо. Искать ответы на вопросы. Но кое-что ясно – большинство из нас система поимела. Тех, кто продолжает гнить в холодном сне. Вот эти дикари... что радостно кочуют по джунглям и собирают вкусные ягодки, заодно чуть ли не жопой жуя листья коки... они не родились здесь, Каппа. Они так же просыпаются чаще всего уже взрослыми и со стертой памятью. А в том племени мирных сборщиков я не увидел ни одного ребенка.

– То же самое в большем масштабе?

– Как-то так. – кивнул я. – Нам нужно время и много собеседников. Ну что? Готов повоевать?

– Всегда.

– Тогда подъем. – вздохнул я, вставая.

Не успел я заткнуть револьвер за ремень, опоясывающий шорты, рация ожила и зазвучала хорошо поставленным мужским властным голосом:

– Доброго вам дня, дорогие гости моей Небесной Башни. Я Буба! Джакомо Буба. Король и владыка сего небоскреба. Сразу к делу, пока не началась стрельба – может, я верну найденный в джунглях экзоскелет, и мы разойдемся миром? Мои поданные уже осознали ошибку и каются... ответьте, дорогие гости. Есть шанс решить дело миром?

Чуть подумав, я щелкнул тумблером:

– Спусти мой экз на шестидесятый этаж, Буба. Прямо сейчас. И чтобы ни царапинки... Рядом положи ключи от моего внедорожника.

* * *

Как и ожидалось – войны не последовало.

Сначала ожил лифт, что привез мой экзоскелет. Затем, когда я, убедившись, что моя любимая стальная шкура в относительном порядке, забрался внутрь, оживив экз и выйдя наружу, лифт опять убрался наверх, чтобы вернуться еще через несколько минут. На этот раз он привез с собой одного пассажира – невооруженного, темноволосого, невысокого, в серой футболке и шортах. Аккуратно поставив у ног небольшую сумку, он демонстративно показал пустые руки и коротко представился:

– Хорхе.

Опустив Гадюку у покинутой Каппой розетки, я «вскрылся», подрубил неспешно провода и, убедившись, что в бата-

реи потекла живительная энергия, повернулся к невысокому.

– Консильери?

– Верно. – ничуть не удивившись, кивнул тот.

– Ключи от машины принес?

– Верно.

– И не испугался? – задумчиво выпятил я челюсть, внимательней оглядывая странного человечка со слишком умным и спокойным взглядом.

– Я боюсь. – кивнул тот, медленно поворачиваясь. – При мне нет оружия.

– Думаешь, мне сложно убить безоружного и неопасного?

– Судя по тому, что я видел с крыши – нет, не сложно. Для тебя чужая жизнь – что плевок, взял и растер ногой.

– Хм... Тогда что тебе надо? Почему не послал вниз одного из самых вредных ушлепков? Зачем рисковать самому ради доставки психопату ключей от машины?

– Послать вниз самого вредного ушлепка? – усмехнулся консильери и, кивнув на рацию на полу, спросил: – Можно?

– Давай. – поощрил я с нарастающим интересом. – Удиви меня.

Опустившись на пол рядом с экзом, я любовно стер со стальной голени пыль, принялся и удивленно моргнул:

– Какого хера?

– Ну он же хотел экз себе забрать. – тихо рассмеялся консильери, выпрямляясь с рацией в руках. – Этот сучий король

хотел запихнуть свою царственную жопу уже не в золотой, а в черный экзоскелет. Вот и велел вымыть его хорошенько с мылом и спрыснуть розовой водой.

– За такое я убиваю. – медленно произнес я, с трудом заставив себя остаться на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.